

Глава 2

ДНИ СТАРУХИ, ИЛИ ОДОЛЖЕННЫЕ ДНИ

2.1. Номинация дней, связанных с мартовской легендой

Дни, связанные с легендой о мартовской старухе, могут обозначаться двумя основными типами хрононимов: хрононимами типа «старухи» («бабы»), «старухины (бабины) дни» и другими названиями, включающими посессив «бабин» — «бабины (старухины) козлята», «бабины (старухины) порывы ветра», а также хрононимами типа «заимствованные (одолженные) дни».

2.1.1. Хрононимы типа «старухи» и «старухины дни»

Хрононимы типа «старухи» и «старухины дни» в дакорумынских ареалах часто обозначают время, соотносимое с легендой о мартовской старухе у румын и молдаван (можно сказать, что именно эти обозначения дней, посвященных мартовской старухе, являются у них наиболее распространенными).

«Старухи» — *babe(le)* — встречаются в Мунтении (с. Гура Сэрэций, Бечень, Мынзэлешть, жудец Бузэу; с. Уда-де-Жос, жудец Арджеш; с. Албешть, жудец Олт), Олтении (с. Стэнешть, Орлешть, Шириньяса, Бодешть, Мэлая, Сэлиштя, Чюнджет, жудец Вылча; с. Половраджь, жудец Горж; села коммуны Поноареле, жудец Мехединць), Банате (с. Рудэрия, долина Алмэжа, жудец Караш-Северин), Трансильвании (с. Орлат, жудец Сибиу), в румынской Молдове (с. Докань, Перинень, Плопана, жудец Васлуй; с. Ускаць, жудец Нямц) [Fochi 1976: 23–29; Muşlea, Bârlea 1970: 353–354; Petrovici 1935; Marienescu 1994: 233–247; Плотникова 2009; Голант 2008; Голант, Плотникова 2012; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009; ПМА 2010]. Повсеместно встречается хрононим такого типа и у арумын — *moaşi(le)* [Rosetti 1964: 123. Цит. по: Кабакова 1994].

Термин «старухины дни» (*zilele Babei, zile ale Babei*) отмечен в Мунтении (села коммуны Мынзэлешть, с. Сэрата-Монтеору, жудец

Бузэу), Молдове (с. Мастакань, Костиша, жудец Нямц), а также в Банате (жудец Караш-Северин) [Плотникова 2009; Голант, Плотникова 2012; Fochi 1976: 23–29; Schott 2003: 129–131].

Бытует на восточнороманской территории также термин «дни старух» — *zile ale babelor* (с. Герасень жудец Бузэу, Мунтения), *zilele babelor* (Сэрата-Монтеору, села коммуны Мынзэлешть, жудец Бузэу, Мунтения; жудец Караш-Северин, Банат) [Fochi 1976: 23–29; Marienescu 1994: 233–247; Плотникова 2009; Голант, Плотникова 2012].

2.1.2. Тип «дни (Бабы) Докии», «Докия»

На восточнороманских территориях встречаются также модификации наименования «старухины дни» — «дни Бабы Докии» или просто «дни Докии». Хрононим «дни Бабы Докии» (*zilele Babei Dochia*) встречается в Мунтении (с. Бэлтаць, жудец Олт; с. Чақыру, жудец Брэила) и Северной Добрудже (с. Жижила, жудец Тулча) [Fochi 1976: 23–29]. Хрононим «дни Докии» (*zilele Dochiei*) мы находим в запрутской Молдове (с. Мастакань, Плопана, жудец Нямц), *zilele Odochiei* — в Марамуреше (румунская часть области Угоча) [Fochi 1976: 23–29; Scurtu 1942].

Цикл дней, посвященных мартовской старухе, может называться просто ее именем — «Баба Докия» (*Baba Dochia*) — с. Албешть, жудец Олт, Мунтения; «Баба Марта с девятью кожухами» (*Baba Marta cea cu nouă cojoace*) — с. Грындрень, жудец Телеорман, Мунтения; «Баба Докия с девятью кожухами» (*Baba Dochia cu nouă cojoace*) (коммуна Пловрадзь, жудец Горж, Олтения; последний хрононим используется для обозначения особенно ненастных дней в начале марта) [Fochi 1976: 23–29; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009]. Чаще, однако, наименование «Баба Докия» у румын употребляется для обозначения первого дня марта (1 марта — день св. Евдокии) [Fochi 1976: 23–29].

В некоторых районах Румынии встречается традиция называть каждую «старуху» именем собственным, например Докия, Тодора и Тодосия; Докия, Луника (от *luni* — понедельник), Марцика (от *marți* — вторник), Мэркурана (от *miercuri* — среда), Жояна (от *joi* — четверг), Вирита, Ситица (возможно, эти два имени происходят от диалектных наименований пятницы и субботы), Доминика (от *duminică* — воскресенье). Другие наименования дней — Докия, Барбура, Сава, Иляна, Косынзяна, Мэриуца, Саломния, Ние и Афтиние, или Докия, София, Сья, Лина, Реби, Лучия, Фрэсина, Кэтэлина и Жофика. Баба Докия обычно считается старшей, а также самой безобразной и отвратительной из всех

старух [Gherman 1926: 41–42. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133; Bârlea 1976: 13–16].

Такая традиция, по всей видимости, существовала, в частности, у румын Баната. Подобная ситуация описана в стихотворении “Zâlili Babilor” («Дни старух») современного румынского поэта Ионела Якоба-Бенчея, который пишет на банатском диалекте. Девять старух, олицетворяющие первые девять дней марта, именуется здесь следующим образом: Параские, Вета, Джюла, Ленка, Сóфи, Сафта, Кета, Руци и Сида. Это стихотворение, впрочем, является в первую очередь политической сатирой [Iacob-Bencei 1996: 370–372].

2.1.3. Прочие типы хрононимов

У румын бытуют и другого типа обозначения дней, связанных с легендой о мартовской старухе. Это, например, хрононим *împrumutăřili* (*împrumutăřele*) — букв. «заимствования», «одалживания», который встречается в румынском Банате (с. Шопоту-Ноу, жудец Караш-Северин), а также такие хрононимы, как *vântoase(le)* «ветреные», «ветреницы» — в Трансильвании или *cojoace(le)* «кожухи» — на Буковине [Petrovici 1935: 125–159; Плотнокова 1996: 21; Marian 1994: 292; Gorovei 1995: 101]. Последние два термина, на наш взгляд, можно также условно отнести к типу хрононимов с посессивом «бабин» («старухин»). Термин *cojoacele* — «кожухи», несомненно, мотивирован текстом легенды, согласно которому старуха сбрасывала один кожух за другим, когда поднималась в гору (ср. также упоминавшийся выше хрононим «Баба Марта с девятью кожухами» — “*Baba Marta cea cu nouă cojoace*”, обозначающий первые дни марта в жудеце Телеорман) [Fochi 1976: 23–29]. Румынский термин *vântoase(le)* — «ветреницы» можно сопоставить с южнославянскими терминами *бабини (х)укови* (Сербия), *бабини (х)уже* (Босния) — «старухины порывы ветра» (см. 2.1.4). И у румын, и у южных славян этот термин обозначает дни ранней весны, посвященные мартовской старухе, которые часто бывают непогожими.

2.1.4. Обозначения дней, посвященных мартовской старухе, у других народов

У болгар, живущих в окрестностях Смоляна, Мадана, Ардина, Девина, Асеновграда, а также в Родопах, бытует хрононим *бабини дѐне* — ‘старухины дни’ [Плотнокова 2004б: 121–125]. Кроме того, на юго-

западе Болгарии, в пограничных с Грецией и Македонией районах, дни, связанные с легендой о мартовской старухе, обозначаются, в частности, такими терминами, как *трите баби* — ‘три старухи’, *лошите баби* — ‘дурные, плохие старухи’, *заетите баби* — ‘заемные (одолженные) старухи’ [Узенева 2001: 127–151]. Термин *трите баби* употребляется для обозначения таких дней, в частности, в области Кюстендил (Кюстендилска Каменица) [Плотникова 2004б: 121–125].

Существуют у болгар и хронимы, в которых упоминается имя мартовской старухи — Марта. Так, в некоторых районах Западной Болгарии первые дни марта обозначаются термином *Мартина неделя* [Колева 1977: 274–295]. Термином *Баба Марта* или *Марта* у болгар в прошлом обозначался месяц март [Миков 1985: 75]. В настоящее время, однако, этим термином чаще всего обозначается первый день марта. Так, поздравление с 1 марта, с приходом весны звучит как «*Честита Баба Марта!*» Эту фразу часто можно увидеть на открытках, к которым прикреплены особые мартовские обереги — *мартеници* (см. главу 3).

Хронимы типа «старухи» и «старухины дни», обозначающие определенные дни в начале весны, бытуют и у других балканских славян. Так, у сербов хроним *ба́бе* — ‘старухи’ встречается во Враньском крае и Косово, *бабини дни* — в западной Сербии и Лесковацкой Мораве [Плотникова 1996: 21; 2004б: 121–125]. У жителей Драгачева (западная Сербия) морозные мартовские дни именуются *Баба Марта* [Там же]. У черногорцев племени кучи бытует хроним *бабини и ђедови дни* — «бабини и дедовы дни» [Плотникова 2004б: 121–125]. Хроним *баби* — ‘старухи’ бытует у македонцев, живущих в окрестностях Охрида и Велеса [Там же]. У македонцев встречается хроним *баба*, обозначающий первый день марта по старому стилю, то есть 14 марта (с. Пештани, окрестности Охрида) [Там же]. Термин *бабини дни* для обозначения определенных дней марта употребляют македонцы Струги и Гевгелии [Там же].

Хронимом типа «старухи» обозначаются соответствующие дни у албанцев — *pl`akat* (с. Лешня краины Скапар, район Чоровода), *q`akat* (с. Мухурр краины Дибыр, район Пешкопия) [МДАБЯ 2005: 92–93; Юллы, Соболев 2003: 422].

У южных славян бытуют и другие хронимы с посессивом «бабин» («старухин») — хронимы типа «старухины козлята», а также «старухины порывы ветра».

Хронимы типа «старухины козлята» встречаются у сербов и черногорцев. Они, как и все прочие рассматриваемые в этой главе термины,

мотивированы легендой о мартовской старухе. Как уже упоминалось выше, согласно некоторым южнославянским версиям старуха, отправляясь задолго до положенного времени на горное пастбище, хвастается силой своих животных, количеством или длиной их рогов. У сербов термин *бабини јарци*, обозначающий определенные дни ранней весны, встречается в Драгачево, на западе Сербии (кроме того, в этой местности те же дни могут обозначаться термином *деветорожчићи* — «девятирогие»), и в Косово. Термин *бабини козлићи* бытует у сербов Южного Баната (с. Црвена Црква) и в Славонском Посавье, на территории Хорватии [Плотникова 1996: 21; 2004б: 121–125]. У черногорцев хрононим *бабини јарчеви* бытует в области Риечка Нахия и на территории племен пипери и ускоки [Плотникова 2004б: 121–125; Соболев 1999].

У сербов и мусульман Боснии для обозначения дней, посвященных мартовской старухе, употребляются термины, которые переводятся как «старухины порывы ветра». У сербов в западной Сербии они именуются *бабини хукови* или *бабини укуви*, у боснийцев в окрестностях Високо и Купреса в центральной и восточной Боснии — *бабини хуке* (*бабини уке*) [Плотникова 1996: 21; 2004б: 121–125]. Эти термины семантически сходны с румынским *vântoasele* — «ветреные» [Плотникова 1996: 21].

У южных славян дни, посвященные мартовской старухе, часто обозначаются и терминами типа «заемные (одолженные) дни». У болгар встречаются такие термины, как *заемници* (области Благоевград (община Разлог и др.), Монтана (с. Железна, община Чипровци), Ловеч), *заёмн'аци* (область София (с. Неделиште общины Драгоман, с. Гурмазово общины Бужуриште, бывшие села Горна Бая и Суходол, ныне ставшие кварталами Софии), *заёдници* (область Благоевград (Пиринский край), *заёмляци* (область Кюстендил), *заётите дни* (с. Гега, община Петрич, область Благоевград), *заемни дене* (окрестности Пловдива), *заемните дни* (область Хасково), *заёмните дани* (г. Средец (Грудово), с. Българи (община Царево), область Бургас, Странджа) [Плотникова 2004б: 121–125; Узенева 2001: 127–151].

У македонцев бытуют хрононимы *зајамници* (Скопска Црна Гора) и *заимени дни* (Гевгелийска Каза) [Плотникова 1996: 21; 2004б: 121–125]. У сербов встречаются хрононимы *зајемци* (Лесковацкая Морава), *заёмци* (с. Равна Гора в районе Власотинцев; Горни Висок), *заёмњаци* (Горни Висок), *зајмъени дани* (Болевацкий край), *узајмице*, *узајмица* (Косово Поле, Косово); у мусульман Боснии — *зајменици* (в окрестностях Купреса) и *замјеници* (в окрестностях Високо) [Там же].

У греков встречается хрононим типа «старухины дни» — οἱ μερεστήσυρίδες [Кабакова 1989а: 12]. В некоторых районах северной Греции три первых (и три последних) дня марта обозначаются термином «Δρύμιας» [*drimias*] — по имени мифологических существ в образе женщин, обитающих в воде, которые якобы активизируются в течение трех первых, трех средних и трех последних дней марта, а также в соответствующие дни августа [Иванова 1977б: 313–329; Плотникова 1996: 21–22].

Что касается Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока, то здесь мы встречаем те же основные типы хрононимов, обозначающие дни, связанные с мартовской легендой, что и у балканских народов.

Хрононимы типа «дни старухи» встречаются у провансальцев: *Reguignado de la Vieïo* — ‘волнение старухи (выходка старухи?)’, французов: *Les jours de la Vieille* — ‘дни старухи’, франко-швейцарцев: *le dza a la villë* — ‘дни старухи’ [Meyer 1974: 294–297. Цит. по: Şăineanu 1896: 1–45; Покровская 1977: 30–48]. У берберов Марокко время *Ha'ïyan* (25 февраля — 4 марта) называется также и *Tamğart* — ‘Старуха’ — Аит Вараин; у арабов (Хиаина) «старухиным» (*nhâr lâ 'guz*) называется второй день этого периода [Westermarck 1968: 174–175. Цит. по: Кабакова 1994: 209–222]. В Кабилии (Алжир) термином *thimgharine* — «старухи» или *thamghart* — «старуха» могут обозначать либо момент перехода от одного месяца к другому (от декабря к январю, от января к февралю, от февраля к марту, а в Айн Ахбэль также от марта к апрелю), либо момент перехода от зимы к весне. Иногда кабилы используют термин *thimgharine* для обозначения всего периода перехода — с конца января до середины марта [Бурдые 2001: 169–171]. У таджиков практически повсеместно распространен хрононим «дни старухи Оджиз (Оджуз)» (это «имя», как уже говорилось, в переводе с арабского означает «старуха») [Толстов 1931: 340–341]. Встречаются хрононимы типа «старухины дни» и у народов Дагестана: у даргинцев (*рухънала бурхИни*), лезгин (*къаридикъар*), цахуров (*къари йыгбыр*), рутульцев (*къаринене* — «бабушкины дни»), цухадарцев (*хуххула берме* — «бабушкины дни») [Сефербеков 2004].

Распространены у народов Западной Европы и хрононимы типа «одоженные дни»: *les jours d'Emprunt* — у французов, *as dias d'emprestimo* — у португальцев, *manllabats, dias emmanllavats* — у каталонцев, *borrowing, borrowed days* — у англичан (шотландцев) [Şăineanu 1896; Покровская 1977; Genner 1947: 952; Gomis 1888: 146. Цит. по: Кабакова 1994; Banks 1939: 191–195. Цит. по: Кабакова 1994]. Встречается

хрононим этого типа и на Ближнем Востоке — «одолженными» (*el Mustakridât*) назывались три (вероятно, первых) дня марта у арабов Палестины [Westermarck 1968: 175. Цит. по: Кабакова 1994]. В некоторых районах Кабилии дни на рубеже декабря и января, января и февраля, февраля и марта, марта и апреля, зимы и весны именуются также *amerdil* — ‘*ссу́да*’ [Бурдые 2001: 169–171].

В Западной Европе хрононимы, связанные (опосредованно) с названиями животных (причем коров, а не овец или коз), обнаруживаются только на территории Южной Франции: *li Vaqueriéu* — «пастушки», «коровницы», *Vaquieîriéu* — «пастушка» — Прованс, *Jours de la Vaquéïro* («дни пастушки») — Буш-дю-Рон, *Vaccharials* — Лангедок [Meyer 1974: 294–297; Şăineanu 1896].

У армян зафиксирован хрононим «козлята Старухи» (*Парви улер*) [Петросян 2011: 74]. На Кавказе встречаются и хрононимы с посевом «старухин»: «старухины ветра» (*рухънала дагъ*) у даргинцев (ср. рум. *vântoase(le)*) и серб. и босн. *бабини (х)укови*, *бабини (х)уке*) и «холод старухи» (*къарил дяркъу*) у лакцев [Сефербеков 2004].

Хрононимы, отражающие версию легенды, в которой старуху замещает пастух, встречаются крайне редко. Так, в Марокко, в окрестностях Тетуана (в населенном пункте Анжера), известен хрононим «День пастуха», также связанный с так называемой мартовской легендой (текст этого варианта легенды, к сожалению, найти не удалось). Нужно отметить, что в этом населенном пункте зафиксирован и вариант легенды, повествующий о Старухе и ее козе [URL: <http://la.vieille.free.fr/jjbasejoursmaroca.htm>].

Хрононимы этого же типа встречаются и на Сицилии, однако они мотивированы легендой, сильно отличающейся от «общепринятой» версии. Сицилийская версия, зафиксированная в Борджетто (коммуна, расположенная в провинции Палермо), говорит о пастухе, который, возвращаясь домой «на побывку», чтобы провести со своей семьей последние дни карнавала, потратил на дорогу больше времени, чем рассчитывал, и, встретив по пути Христа и апостолов, узнал от них, что уже заканчивается последнее воскресенье карнавала и завтра начинается пост. Христос решил помочь пастуху и присоединил к периоду карнавала понедельник и вторник. (Эта версия легенды является своего рода объяснением того, почему у католиков Великий пост начинается в среду, а не в понедельник.) С тех пор последние два дня карнавала — понедельник и вторник — называются в этой местности «днями пастуха» [Contes... 2006: 178–188].

Рассмотренные типы хрононимов, связанные с идеей принадлежности мартовских дней некоей старухе («бабе»), в содержательном плане подталкивают к анализу того, о какой именно старухе идет речь. Анализ географического распределения терминологии, связанной с мартовской обрядностью, во многом способствует выяснению этой детали культурного контекста. А.А. Плотникова на основании изучения данных южнославянских диалектов сделала следующие выводы: в восточной части южнославянского диалектного континуума распространены названия месяца марта, указывающие на персонификацию его в образе старухи, женщины: болг. и макед. *Марта*, *Баба Марта*. Ареал этих наименований марта охватывает также восточную Сербию (Пиротский край, Заглавак, район Заечара), отдельные свидетельства фиксируются севернее (Ново Милошево в сербском Банате). Персонификация марта в женском облике существует и на юго-востоке Сербии — в Лесковацкой Мораве.

Западнее указанной зоны персонификация месяца марта в женском облике отсутствует; в народе март называют *марач*, *марц* (нужно отметить, что при отсутствии персонификации марта в женском облике «Бабой Мартой» в легенде часто зовется старуха-пастушка, выгнавшая стадо на пастбище раньше срока и бросившая вызов марту). Эта западная зона практически совпадает с ареалом распространения хрононимов, включающих «зоологический» компонент (наименования типа «старухины козлята»).

Есть все основания полагать, что в ареале бытования хрононима «старухины козлята» существующий параллельно термин «старухины дни» (например, черногор. *бабиньаци*, *бабини дневи* и т.п.) соотносится с «реальным» персонажем легенды — старухой-пастушкой¹, тогда как в восточной части южнославянского ареала термины типа «бабины дни» и тем более «бабы» (по которым гадают о погоде в течение года) связаны с персонификацией марта как «старухи», «бабы», «женщины» [Плотникова 2004б: 127–128].

На восточнороманских территориях, однако, и термин «бабины дни» (*zilele Babei*), и термин «бабы» (*Babele*) могут соотноситься с «ре-

¹ Показателен пример из зоны Струги (юго-западная Македония), где последние холодные и ветреные дни марта называют *бабини дни*, взятые, по легенде, у апреля мартом — месяцем, персонифицированным в мужском облике, что закреплено в клишированной формуле-оскорблении в тексте легенды. Старуха, увидев, что погода стала теплой, выгоняет на пастбище коз со словами: «Циц козица на планина, прдни Марту на брадина» («Иди, козочка, в горы, п..и марту в бороду») [см.: Плотникова 2004б: 127–128].

альной» старухой-пастушкой. Тексты, в которых говорится о мартовской старухе как о сверхъестественном существе, встречаются, как уже говорилось, в Молдове, на Буковине (где есть и хронимы типа «старухи», и хронимы типа «дни старухи») и лишь изредка — в Мунтении [Fochi 1976: 23–29; Speranția 1907, vol. VII, f. 105v.; vol. V, f. 249v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. В большинстве текстов из Мунтении, Олтения, Баната, Трансильвании, где также встречается хроним «бабы» (*babe, babele*), о мартовской старухе (Бабе Докии) говорится как о «реальном» персонаже, смертной женщине [Fochi 1976: 23–29; Olinescu 2003: 259–260].

Представление о днях на рубеже зимы и весны как о «заемных», отраженное в ряде вариантов мартовской легенды, по мнению многих исследователей, связано с тем, что эти дни в прошлом маркировали период от старого года к новому [Агапкина 2002: 151; Кабакова 1994].

Первый день марта, который, как правило, является и первым днем цикла «дней старух», у румын может называться *Mărțișor* — ‘маленький март’ (Олтения — жудецы Долж, Горж, Мехединць, Вылча, Олт; Трансильвания — жудецы Алба, Бистрица-Нэсэуд, Брашов, Клуж, Ковасна, Харгита, Хунедоара, Муреш, Сибиу; Мунтения — жудецы Арджеш, Брэила, Бузэу, Кэлэрэш, Дымбовица, Джурджу, Яломица, Илфов, Прахова, Телеорман; Северная Добруджа — жудецы Констанца и Тулча; румынская Молдова — жудецы Бакэу, Ботошань, Галац, Яссы, Нямц, Васлуй, Вранча; Южная Буковина — жудец Сучава), *Marț* (Мунтения — жудец Бузэу), *Mărțiș* (Мунтения — жудец Бузэу), *Dragobete* — внутренняя форма *drag* ‘любовь’ (Олтения — жудецы Вылча, Горж, Мехединць; Мунтения — жудец Арджеш), *Cap de primăvară* — ‘голова весны’ (Олтения — жудецы Горж, Вылча; Трансильвания — жудецы Бистрица-Нэсэуд, Харгита; Мунтения — жудецы Арджеш Прахова), *Dragobete, Cap de primăvară* (Трансильвания — жудец Сибиу; Мунтения — жудец Бузэу), *Dochia* (Трансильвания — жудецы Бистрица-Нэсэуд, Харгита; Мунтения — жудецы Дымбовица, Прахова; Молдова — жудецы Бакэу, Яссы; Южная Буковина — жудец Сучава), *Baba Dochia* (Мунтения, жудец Брэила; Молдова — жудец Бакэу), *Iudochia* (Южная Буковина — жудец Сучава), *Baba Marta* (долина р. Тимок, область Видин, Болгария; румыны, живущие на побережье Дуная в областях Враца и Плевен, Болгария), *Ghiocel* — ‘подснежник’ (Южная Буковина — жудец Сучава) [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284; Atlasul... 2011, 1: 100–101; 2011, 2: 102–103].

Итак, наименование первого дня марта у румын в большинстве случаев либо совпадает с названием мартовской нити — украшения-оберега (см. главу 3), либо также мотивировано легендой о мартовской старухе. Обозначение первого дня марта именем мартовской старухи (Баба Марта) распространено у болгар, а также у гагаузов и албанцев Южной Бессарабии, испытавших сильное влияние болгарской народной культуры [Сорочяну 2006: 163; ПМА 2011а].

2.2. Число дней, связанных с мартовской легендой, и расположение их в календаре

Это число в большинстве случаев равно трем, семи, девяти или двенадцати. Как правило, соответствующие дни приходятся на март, реже — на конец февраля или на начало апреля.

У румын количество дней «девять» и «двенадцать» обычно совпадает с числом кожухов, которые мартовская старуха (Баба Докия) надевает, отправляясь на горное пастбище, и сбрасывает по одному в день.

Двенадцать дней (с 1 по 12 марта) делятся «старухины дни» (*zilele Babei*) во многих районах Молдовы и Буковины [Ghinoiu 1997: 64–65; Fochi 1976: 23–29; ПМА 2011б]. В отдельных местностях Молдовы «старухины дни» (*zile ale Babei*), или «дни Докии» (*zilele Dochiei*), приходятся на шесть последних дней февраля и шесть последних дней марта (с. Мастакань, жудец Галац, Молдова) [Fochi 1976: 23–29]. Те же двенадцать кожухов в течение двенадцати дней марта сбрасывала с себя старуха в одной из банатских версий легенды (с. Шопоту-Ноу, жудец Караш-Северин) [Petrović 1935]. Единичное упоминание о том, что *babele* делятся двенадцать дней, встретилось в коммуне Поноареле (жудец Мехединць¹, Олтения) [ПМА 2010]. У влахов долины р. Тимок в восточной Сербии «бабы» (*babele*) также делятся двенадцать дней — с 10 по 22 марта, то есть до дня Сорока мучеников (*Sâmbți*)², который, как и другие праздники, в этой консервативной местности отмечается по старому стилю [Hedeşan 2005: 155].

В Мунтении, как правило, отмечают девять дней, посвященных мартовской старухе (Бабе Докии), с 1 по 9 марта, то есть от св. Евдокии до Сорока мучеников [Fochi 1976: 23–29]. Встречается этот вариант также в Добрудже, Олтении, Банате (первые девять дней апреля), Тран-

¹ Область, пограничная с Банатом.

² Литературная форма этого слова — *Sfinți* ‘святые’.

сильвании и Марамуреше [Fochi 1976: 23–29; Scurtu 1942; Gherman 2002; Schott 2003: 129–131; Muşlea, Bârlea 1970: 353–354].

В некоторых селах жудецов Вылча (Олтения) и Арджеш (Мунтения) «старухи» (*babele*) могут длиться три дня, с 1 по 3 марта [Fochi 1976: 23–29; Scurtu 1942].

В Банате наряду с уже упоминавшимися «двенадцатью днями марта» и «первыми девятью днями апреля» встречалось «ситуативное» обозначение термином *împrumutări* («заемы», «одолживания») холодных и ненастных дней в апреле, якобы одолженных у апреля мартом (с. Шопотул-Ноу, долина Алмаша, жудец Караш-Северин) [Petrovici 1935].

Жители Хацега (Трансильвания) считали, что «дни старух» (*zilele Babelor*) начинаются одновременно с Великим постом и длятся девять дней, причем последний день именуется *ziua Babei Dochii* — «день Бабы Доки» [Gherman 1926. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. В коммуне Половраджь (жудец Горж, Олтения) А.А. Плотниковой и автором была зафиксирована единичная информация, согласно которой «старухи» (*bábele*) длятся семь дней после начала Великого поста [ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009].

В жудеце Сибиу (Трансильвания) считали, что из шести дней старух три падают на конец февраля (*Făuroaie*), а три — на начало марта (*Mărţişor*) [Gherman 1926. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

Встречается у румын также представление о том, что из девяти «старух» (*babe*) три приходится на февраль (*Făurar*), три — на март (*Mărţişor*) и три — на апрель (*April*) [Ibid.]. В отдельных районах Румынии «дни старух» могли длиться четырнадцать дней [Ibid.].

В наши дни у городского населения как в Румынии, так и в Республике Молдова исполнение некоторых сохранившихся до сих пор обычаев, традиционно связанных с «днями старухи» (в первую очередь дарение и ношение мартовских нитей, а также гадания об удаче в текущем году), приурочено чаще всего к периоду с 1 по 9 марта.

У **болгар** период, «посвященный» мартовской старухе, длится обычно всего три дня. Как правило, это первые три дня марта. Такой вариант зафиксирован в областях Благоевград (с. Гега общины Петрич и окрестности г. Разлог), Кюстендил и Ловеч [Плотникова 2004б: 121–128; Узенева 2001]. Встречается у болгар и ситуация, когда с событиями легенды о мартовской старухе связывают последние три дня марта (область Хасково), последние два-три дня марта (область Пловдив; Западные Родопы), последние два дня марта (окрестности Смоляна, Мадана, Ардина, Девина, Асеновграда; Странджа) [Плотникова 2004б: 121–128]. В Родопах отмече-

но и «ситуативное» обозначение снежных, холодных или переменчивых дней марта термином «старухины дни» (*бабънѣтъ дени*) [Там же].

У **македонцев** *бабини дни* или *баби* также часто приходится на первые три дня марта (Гевгелийска Каза; район Велеса) [Плотникова 2004б: 121–128; 2006а]. В окрестностях Охрида термином «*баби*» обозначаются три последних дня марта или три первых дня апреля [Плотникова 2004б: 121–128]. В некоторых местностях Македонии с преданием о мартовской старухе связаны первые девять дней марта (Скопска Црна Гора) [Там же]. Встречается и «ситуативное» обозначение холодных или переменчивых дней марта термином *бабини дни* (Гевгелия) [Плотникова 1996: 21; 2004б: 121–125].

У **сербов** мартовской старухе могут быть посвящены первые три дня марта (Лесковацкая Морава; Сокобаня), в том числе по старому стилю, то есть 14–16 марта (Горни Висок), или последние три дня марта (Славонское Посавье) [Плотникова 2004б: 121–128]. В некоторых населенных пунктах Сербии мартовской старухе посвящены три дня перед Днем сорока Мучеников (с. Ябланица на Пчине) [Там же]. Часто встречается у сербов и «посвящение» мартовской старухе первых девяти дней марта (Лесковацкая Морава; Болевацкий край; местность Драгачево в западной Сербии; Средска и Косово-Поле в Косово). В некоторых случаях «старухинными днями» считаются первые девять дней марта по старому стилю, то есть 14–22 марта, от дня св. Евдокии до Сорока мучеников по старому стилю (Враньский край) [Там же].

Встречается у сербов и «ситуативное» обозначение термином *бабини козлићи*, связанным с легендой о мартовской старухе, холодных дней марта (Црвена Црква в Южном Банате) [Там же].

У **черногорцев** соответствующими терминами могут обозначаться дни с 1 по 9 марта (Риечка Нахия); десять или пятнадцать дней резкого похолодания весной (племя *тупери*) или просто дни ненастья ранней весной (племя *ускоки*) [Плотникова 2004б: 121–125; Соболев 1999: 76].

У **мусульман Боснии** днями, «принадлежащими» мартовской старухе, считаются дни с 1 по 3 марта (в окрестностях Високо) или холодные, ненастные дни в марте или феврале (в окрестностях Купреса) [Плотникова 2004б: 121–128].

У **албанцев** этому персонажу могут быть посвящены три дня в конце марта или последний день марта и первые два дня апреля [Плотникова 1996: 21; Юллы, Соболев 2003: 422]. У **греков** встречается наименование «старухины дни», обозначающее три последних дня марта [Πολίτου 1965: 298–307].

У народов Западной Европы, по имеющимся у нас данным, с мартовской легендой связано в основном «магическое число» 3. Так, у французов и провансальцев с легендой о мартовской старухе могут быть связаны последние три дня февраля и первые три дня марта и/или три последних дня марта и три первых дня апреля. Эти дни часто бывают непогожими и считаются несчастливými [Покровская 1977: 30–48; Meyer 1974: 294–297; Şăineanu 1896]. У жителей Швейцарии мартовской старухе «посвящены» три последних дня марта и три первых дня апреля [Meyer 1974: 294–297; Şăineanu 1896]. Сходные представления о трех последних днях марта и трех первых днях апреля бытуют у испанцев Андалусии, басков (о трех днях на рубеже марта и апреля), корсиканцев (о трех первых днях апреля) [Caballero 1974: 116–117; Сагрус-стеги 1990: 34–35; Ortolí 1883: 3–5. Цит. по: Şăineanu 1896].

У большей части таджиков отмечается семь «дней старухи Оджиз (Оджуз)» перед Наврузом, шесть или семь «дней старухи» отмечают узбеки Хорезма [Толстов 1931: 340–341; Снесарев 1969: 183–185]. У большинства народов Дагестана период «старухиных дней» длится от шести до десяти дней [Сефербеков 2004].

В целом, как уже говорилось, количество дней, посвященных мартовской старухе (или заменяющему ее персонажу), как правило, равно трем, семи, девяти или двенадцати. Что касается балканских народов, то у них можно отметить еще одну закономерность. Период, именуемый «днями старухи», часто маркируется двумя датами: он часто начинается в день св. Евдокии (1/14 марта) и заканчивается днем Сорока мучеников (9/22 марта). При этом цикл «дней старухи» необязательно включает обе эти даты: он может начинаться в день св. Евдокии и длиться три дня, как, например, у румын Олтении, жителей большинства районов Болгарии и т.д., или такой же срок до дня Сорока мучеников включительно, как у влахов долины Тимока и части сербов.

2.3. Поверья и магические практики, связанные с первыми днями весны

Целью обычаев, приуроченных к соответствующему периоду, являлись защита людей от злых сил, сохранение здоровья и красоты, обеспечение хороших урожаев и приплода скота в течение года, а также различные гадания — об урожае, приплоде скота, характере и поведении людей, удаче.

2.3.1. Гадания о погоде

Область бытования обычая гадания о погоде в течение года на основании дней, связанных с легендой о мартовской старухе, совпадает, по крайней мере отчасти, с ареалом распространения термина «бабы» («старухи») для их обозначения [Плотникова 2004б: 121–128].

У румын хронимы этого типа, как уже говорилось, встречаются в Олтении (жудецы Вылча, Горж, Мехединць), Мунтении (жудецы Арджеш, Олт, Бузэу), Молдове (жудецы Васлуй, Нямц), Трансильвании (жудец Сибиу), Банате (жудец Караш-Северин) [Fochi 1976: 23–29; Muşlea, Bârlea 1970: 353–354; Petrović 1935; Marienescu 1994: 233–247; Плотникова 2009; Голант 2008; Голант, Плотникова 2012; ПМА 2010].

В некоторых селах Вылчи и Арджеша 1 марта считается «бабой» весны (сева), 2 марта — «бабой» лета (летних сельскохозяйственных работ), 3 марта — «бабой» осени (сбора урожая). Считается, что на основании погоды в каждый из этих дней можно сделать выводы о погоде в соответствующий календарный период [Fochi 1976: 23–29]. У румын встречается также представление, согласно которому если 1 марта погода ясная, то весна и лето будут погожими, если же нет, то они будут ненастными и пасмурными [Gherman 1926: 41. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Если в «дни старух» (*zilele babelor*) холодно и идет снег, значит, в течение весны будут холода и бури, если же эти дни будут тихими, то и весна будет погожей [Там же].

По представлениям жителей ряда районов Мунтении, если на Докию идет дождь, год будет урожайным [Speranția 1907, vol. IV, f. 198. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Согласно примете из румынской Молдовы, «если “баба”¹ хороша в начале, то она плоха в конце» [Там же]. В других районах Румынии, где термином «дни старух» (*zilele Babelor*) обозначаются непогожие дни в начале весны, считается, что если они наступают раньше дня Докии², лето будет погожим, если же после, то лето будет ненастным [Gherman 1926: 41. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. По иным представлениям, если «дни старух» наступают раньше дня Докии, то это означает, что весна будет погожей, если же они начинаются после дня Докии, значит, они будут продолжаться до самого дня

¹ Рум. *baba* — день старухи.

² Имеются в виду дни с ненастной или переменчивой погодой, которые не занимают определенного места в календаре и могут приходиться на конец зимы или начало весны.

св. Георгия (*Sân-Georgiu*) [Gherman 1923: 121. Цит. по: Olteanu 2001: 128–131]. На северо-востоке Румынии говорят, что если двенадцать дней Бабы Докии приходится на период перед днем Докии (то есть перед 1 марта), то весна будет хорошей и люди могут рано начать пахать и сеять, если же они следуют после этого дня, то весна будет непогожей и люди запоздают с пахотой [Marian 1994: 309; Olteanu 2001: 128–133].

О непогожих днях в начале весны жители отдельных районов Олтении говорят, что в этот день «баба вытряхивает кожух» (*baba își scutură cojocul*) [Speranția 1907, vol. II, f. 112. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

У румын также распространено гадание о характере и поведении людей, приуроченное к дням, посвященным мартовской старухе. В ряде местностей Румынии известен обычай называть каждый из «дней старух» именем кого-либо из друзей или родственников. По тому, каким будет тот или иной день (ясным, пасмурным или облачным), гадают, в каком расположении духа будет находиться тот или иной человек в течение года [Gorovei 1995: 77].

Б.П. Хашдеу в своем сочинении *Etimologicum Magnum Romaniae* писал: «Перед началом “баб” и на протяжении их женщины из народа и даже горожанки выбирают или называют в шутку каждая по одному дню из последующих дней, например четверг или пятницу и т.д., и если в течение выбранного дня по случайности нет метелей, женщина хвалится, что она “хорошая баба”, а если день непогожий — другая переживает, что она “плохая баба”» [Hașdeu 1893, 3: 2278].

Подобные гадания бытуют в Румынии и по сей день. Так, по словам жителей сел Мэлая и Сэлишта коммуны Мэлая в долине р. Лотру (жудец Вылча, Олтения), в период с 1 по 9 марта каждая женщина выбирает себе один из этих дней — обычно тот, в который она родилась: «Если ты родилась в понедельник — твоя “баба” в понедельник» (*Dacă ești născută lunea — baba ta lunea*). В зависимости от того, какая погода стоит в этот день (солнечная или пасмурная, ненастная), делается вывод о том, какой будет женщина в течение этого года — доброй или злой: «Ты милая — если “баба” хорошая, и ты злобная, если “баба” — непогожий день» (“*Ești dragă — dacă baba e bună, și ești răutăcioasă, dacă e și baba — zăua urată*”). Согласно же сведениям из с. Чюнджет, «баб» для себя выбирают только вдовы, договорившись между собой. Погода в первые дни марта, как правило, неустойчива, ясный день сменяется пасмурным, часты осадки — то снег, то дождь [Голант 2008]. Аналогичное гадание распространено в других районах Олтении (жудецы Горж

и Мехединць), а также в Мунтении (жудец Бузэу) [Плотникова 2009; Голант, Плотникова 2012; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009; ПМА 2010].

Выбор «бабы» может производиться также в зависимости от того, каким по счету ребенком в семье была женщина, которая гадает (с. Сэрата-Монтеору, жудец Бузэу, Мунтения) [Голант, Плотникова 2012]. По сведениям из коммуны Половраджь (жудец Горж, Олтения), девушки на основании погоды в выбранный день делали выводы не о своем характере, а о характере будущей свекрови [ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009]. У румын встречалось и гадание парней, приуроченных к периоду «баб»: парень еще в феврале выбирал себе «бабу» и, основываясь на погоде выбранного дня, «узнавал» о том, красивая или безобразная у него будет жена [Gorovei 1995: 77; Olteanu 2001: 128–133].

Румынские горожанки в наше время гадают в первые дни марта, основываясь на переменной погоде этих дней, чаще всего об удаче в текущем году. Женщины выбирают себе «бабу» (один из первых девяти дней марта) и в зависимости от того, хорошей или плохой является погода в этот день, делают выводы о том, будет ли им сопутствовать удача в наступившем году. Так, румынский этнограф Отилия Хедешан пересказала автору услышанную в кафе беседу между жительницами Тимишоары: «Господи, и зачем я выбрала эту “бабу”?! Она была такая ужасная, не знаю, как я проживу этот год! (говорит девушка своей матери). «Ничего, дочка, я тебе отдам свою “бабу”, моя была хорошая» (отвечает мать).

У **болгар** гадания о погоде по «старухиным дням» сходны с румынскими [Плотникова 2004б: 128]. Так, в западных районах Болгарии, например в области Кюстендил, как и у румын Олтении, по трем «бабам» гадали о весне, лете и осени. В районе Кюстендилской котловины и Пиянеца считалось, что если *търва баба* (первый день марта) ясная и солнечная, то весна будет дождливой, таким же образом вторая и третья «бабы» предвещают погоду лета и осени. В этой засушливой местности крестьяне радовались солнечным «бабам», надеясь на достаточное количество осадков в течение года [Захариев 1949: 423; 1963: 387].

В западной Болгарии, в окрестностях Трына (область Перник), зафиксирована примета, согласно которой первый день марта (*търва баба Марта*) говорит о погоде весны, второй день (*втора баба Марта*) — о погоде лета, третий (*третя баба Марта*) — о погоде осени. Если в эти дни шел дождь, считалось, что год будет плохим (сведения из с. Глоговица) [Узенева 2004б].

Жители области Ловеч (северная Болгария) на основании того, какая погода стоит в течение первых трех дней марта, которые здесь называются *заёмници*, делают прогнозы о погоде в марте, апреле и мае: если в течение первого дня марта идет дождь, то весь март будет дождливым и т.д. [Попов 1999]. Пожилые женщины из села Чийшия (ныне — Городне) Болградского р-на Одесской обл. Украины, где живут потомки переселенцев из северо-восточной Болгарии, рассказывают, что первый день марта «принадлежит» хозяйкам двух первых домов по той или иной улице, стоящих друг напротив друга, 2 марта «принадлежит» хозяйкам двух следующих домов и т.д. «И если 1 марта солнечно, мы с соседкой говорим, что мы “добрые бабы”, а если погода плохая, значит, мы “злые бабы”» [ПМА 1999]. В с. Равна (община Провадия, область Варна) гадание происходило иначе: каждый из первых девяти дней марта назывался именем одной из женщин села. Какой у нее характер, такой, полагали, будет в этот день погода [Седакова 2004].

У **греков** «три последних мартовских дня именуются днями старух, и каждому из них <...> присваивают имя женщины из числа самых старых жительниц деревни; если день выдался погожим, говорят, что и женщина хорошая, в случае же непогоды считают плохой <женщину, давшую дню свое имя>» [Πολίτου 1965: 298–307]¹.

У **других народов** прослеживается сходный обычай гадания. Жители Лангедока (юг Франции), которые называют первые три дня марта *les remarques* — ‘приметы’, тоже определяют по ним погоду весенних месяцев, но в обратном порядке: первый день предсказывает майскую погоду, второй — апрельскую, третий — мартовскую [Seignolle 1960: 297. Цит. по: Кабакова 1994].

Гадания, связанные с погодой и приуроченные к периоду «старухи», «старух» или «ссуды», известны и у кабиллов в Алжире: если нет дождя, то колодцы не наполнятся водой, если идет дождь, это предвещает изобилие, если в начале периода идет снег, будет много перепелиных яиц [Бурдые 2001: 169–171].

* * *

Рассмотренные обычаи, сходные с рождественскими гаданиями о погоде на двенадцать предстоящих месяцев года, по мнению Т.А. Агап-

¹ Сходная примета записана в брестском Полесье: «Какова Евдокия, такова и весна. Второй дэнь — такое лето будэ. Трэтий дэнь — осэнь. Четвёртый — зыма» [Агапкина 2002: 139].

киной, дают основания усматривать в них реликты празднования весеннего нового года [Агапкина 2002: 138–139].

Символическое посвящение первых дней марта женщинам, распространённое у румын и болгар, также представляется далеко не случайным. Вспомним, что у римлян в марте — месяце, посвященном богу Марсу, — отмечались Матроналии — празднества, устраиваемые в честь матери Марса, Юноны. Согласно мифу, Юнона зачала Марса, дотронувшись до весеннего цветка [Овидий «Метаморфозы», V, 253; ср.: Marienescu 1994: 233–247; Акимова 2009]. В этих празднествах имели право участвовать только матроны — женщины, у которых были законнорожденные дети. Заметим, что среди болгарских календарных праздников весьма сходные характеристики имеет *Бабинден* (день повитухи), который празднуют женщины-матери и на который не допускаются мужчины и девушки [ПМА 1998]. Отмечается этот праздник 8 января, то есть вскоре после Нового года, а когда-то *Matronalia* практически совпадали по времени с празднованием Нового года римлянами. У румын в долине р. Лотру (жудец Вылча, Олтения) встречается обычай сходным образом отмечать Международный женский день — 8 марта — вечеринкой, на которую допускаются только женщины, состоящие или состоявшие в браке [Голант 2008: 271–322].

Среди поверий, связанных с гаданием и «программированием будущего», нужно упомянуть обычай встречи полазника в день 1 марта, отмеченный, в частности, у болгар в Восточных Родопах и македонцев. В Восточных Родопах существовало представление, согласно которому если первым из тех чужих, кто войдет в дом 1 марта, будет богатый человек, то семью в этом году ждет хороший урожай и изобилие в хозяйстве [Попов 1993: 20–30].

У македонцев приход полазника мог происходить следующим образом. Каждый, кто заходил в этот день в чужой дом, должен был принести с собой несколько щепок или стружек и, войдя, сразу же бросить их в огонь, чтобы в этом хозяйстве «велись» цыплята, иначе хозяева могли его не принять [Шапкарев 1968: 562–565; Китевски 1996б]. У македонцев-мияков хозяева вечером накануне 1 марта (*Летник*) выбирали здорового мальчика на роль полазника и договаривались с его родителями. Мальчик приводил с собой белого ягненка (чтобы в доме были мир и покой), приносил камень (чтобы коровы давали больше молока) и ветку кизила (чтобы домочадцы были «здоровыми, как кизил») [Петреска 1998: 45. Цит. по: Агапкина 2002: 45]. У арумын встречается обычай, также связанный с огнем и, по-видимому, имеющий целью обеспечить

благополучие и процветание дома. Согласно этому обычаю каждый из членов семьи 1 марта должен положить в очаг полено (ср. рождественское полено) [Țircomnicu 2009: 60–61].

2.3.2. Обычай и запреты, соблюдающиеся в начале марта

Неустойчивая погода первых дней марта нередко объясняется капризным характером мартовской старухи. Ряд обычаев первого дня (первых дней) марта направлен на то, чтобы умилостивить их «хозяйку» (или хозяйку месяца в целом).

У румын в ряде местностей само празднование дня Докии объясняют стремлением уберечься от опасностей и неприятностей, которыми может грозить неуважительное отношение к ней, или (реже) — почитанием святой, которая способствует приходу хорошей погоды. Жители некоторых районов Мунтении почитали Докию как мученицу, которая неустанно молит бога, чтобы он поскорее послал на землю теплую погоду [Speranția 1907, vol. III, f. 214. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. На юго-востоке Румынии женщины праздновали этот день, чтобы Баба Докия не вытряхивала свои девять кожухов: “*De nu o serba, își va scutura cojoacele peste țară și are să ningă nouă zile; apoi, de-și va lua mâna din răsufierea Crivățului, va bate cu zăpadă nouă zile*” («Если ее не праздновать, она будет вытряхивать кожухи по (всей) стране и будет идти снег в течение девяти дней; затем, если она снимет руку с дыхания ветра *Krivățu’¹*, будет дуть ветер и идти снег (еще) девять дней») [Speranția 1907, vol. VI, f. 61. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

В тех же краях считали, что, если не праздновать день Докии, (следующая) зима будет непогожей и человеку грозит опасность заблудиться, погибнуть в пургу, быть растерзанным волками [Speranția 1907, vol. VI, f. 159. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Жители отдельных районов Мунтении праздновали Докию, опасаясь заморозков, «ради успокоения зимы» (*pentru încetarea iernii*) [Speranția 1907, vol. III, f. 132. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. У олтян встречается представление, согласно которому, если не праздновать день Докии, всю весну будут продолжаться дожди и метели [Speranția 1907, vol. I, f. 71 v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

У болгар и македонцев, согласно многим поверьям, если Баба Марта смеется, то светит солнце, если сердится, идет дождь или снег

¹ Кривэц, *Crivăț* — народное название северо-восточного ветра.

[Маринов 1981: 521. Цит. по: Плотникова 2004б: 128]. У болгар было принято выполнять различные обрядовые действия с огнем, чтобы умиловить мартовскую старуху. Так, они могли «светить Бабе Марте» в ее день, рассчитывая на ее благосклонность в дальнейшем. У банатских болгар это происходило так: вечером накануне 1 марта разжигали костры на улицах и кричали: «*Уйу, баб' Мърто, аз тебе днес, ти мене утре*» («Уйу, Баба Марта, я тебе сегодня, ты мне завтра») (с. Бешенов, румынский Банат). В этом селе костры на улицах жгли каждый вечер до 12 марта [Телбизов, Векова-Телбизова 1963: 244]. В другом поселении банатских болгар — с. Винга (румынский Банат) — огонь принято было разжигать в первое новолуние марта [Там же].

Практически на всей территории Болгарии известен обычай вывешивать 1 марта во дворе выкрашенную в красный цвет пряжу, кусок красной ткани или предметы одежды красного цвета (пояса, платки, носки, фартуки, красное покрывало невесты — *було* и т.п.), «чтобы встретить Бабу Марту с красным» (Родопы, южная Болгария); «*за да засмее Баба Марта и да пече слънце*» («чтобы засмеялась Баба Марта и грело солнце») (центральная Болгария — окрестности Стара Загоры; северная Болгария — окрестности Ловеча, Плевена, Велико Тырново, Габрова, Елены); «*че Марта да се засмее*» («чтобы Марта засмеялась») (северная Болгария — с. Червена Вода, Русенско); «*за да се зарадва Баба Марта, та да е хубаво времето през месец март*» («чтобы обрадовалась баба Марта и чтобы погода в марте месяце была хорошей») (северная Болгария, с. Борисово, область Русе); «*за да е весела Баба Марта*» («чтобы Баба Марта была веселой»), «*да е весела Марта, да не се лютти*» («чтобы была веселой Марта, чтобы не злилась») (северо-восточная Болгария — Южная Добруджа); «*за да бъде весела Баба Марта, да не се лютти, да не праца сняг и виелици*» («чтобы была веселой Баба Марта, не сердилась и не насылала снег и метель») (северо-восточная Болгария — с. Дряновец, область Разград, болгары-*капанци*); «*за да зачервим Баба Марта*» («чтобы подрумянить бабу Марту») (северо-восточная Болгария — область Разград, *капанци*) [Родопи 1994: 102. Цит. по: Плотникова 2004б: 200–235; Маринов 1981: 521. Цит. по: Плотникова 2004б: 128; Йорданова 1972: 215; Василева 1974, 1985; Миков 1985: 38; Дражева 1980].

2.3.2.1. Земледельческая магия

У румын в некоторых районах известен обычай 1 марта повязывать красную нитку на каждое плодовое дерево, чтобы оно принесло

много плодов [Gorovei 1995: 198, 294]. У болгар в северо-восточных, северных, центральных и отдельных южных районах Болгарии встречается обычай привязывать пучки красной пряжи или красные нитки к фруктовым деревьям (Южная Добруджа, окрестности Бяла Слатины, Плевена, Трояна, Русе, Ямбола, Пловдива). Это делается для того, чтобы деревья дали хороший урожай и чтобы уберечь их от возможного вреда [Йорданова 1972: 217; Стаменова 1986]. У капанцев (северо-восточная Болгария) встречаются следующие мотивации обычая вывешивать во дворе или в саду пряжу, ткань или предметы одежды красного цвета: «*да не паде слана, мана*» («чтобы не выпал иней»), «*да стане житото червено*» («чтобы жито было красным (спелым)»), «*за здраве*» («для здоровья») [Василева 1985]. Здесь считается, что красный цвет способствует хорошей погоде в течение марта и, следовательно, хорошему урожаю [Там же]. У жителей области Пловдив обычай помещать красную тряпку или пряжу на стреху дома или амбар (с. Чоба, Михилци, Чешнегирово), накрывать красной тряпкой сито и выставлять его на солнце (с. Слатина), повязывать красную нитку на ворота и двери хлева (г. Съединение, с. Старосел) и дома (с. Михилци), на плуг (с. Михилци) и фруктовые деревья (с. Слатина) объясняют в первую очередь способностью красного цвета отгонять зло [Стаменова 1986]. В центральной Болгарии, в окрестностях Старой Загоры, встречается обычай пришивать на верхнюю женскую одежду кусочек красной ткани и красную шерстяную нитку «для здоровья и урожая» (с. Дылбоки) [Узенева 2004а].

У болгар в северо-западной Болгарии обычай выносить во двор одежду и тканые изделия красного цвета также зачастую объясняется стремлением обеспечить урожайный год. Например, в с. Чомаковци (окрестности области Плевен) рано утром 1 марта выносят красную одежду во двор, чтобы люди были здоровыми, а жито «красным» (спелым); в с. Белотинци (область Монтана) перед домом выставляют красную полотняную сумку, «чтобы не белели колосья в поле и не оставались пустыми»; с той же целью в с. Дреновец (область Видин) вывешивают во дворе красный фартук, пояс, носки и т.д. [Йорданова 1972: 215–216]. Оставлять все эти вещи во дворе и саду могли на различные сроки — на один или три дня (область Пловдив), до дня Сорока мучеников (Южная Добруджа) и др. [Стаменова 1986; Василева 1974]. Т.А. Агапкина упоминает о том, что одежда (как правило, красного цвета), которую у болгар было принято выносить 1 марта во двор и помещать на видное место, должна была быть новой. Это обычай, который она связывает с темой ранневесеннего новолетия [Агапкина 2002: 155–156].

У **сербов** обычай вывешивать предметы одежды красного цвета или куски красной ткани перед домом, у хлева, амбара отмечен в восточносербской области Горни Висок. Здесь это делается для того, чтобы жито было «красным» (спелым), не белело [Плотникова 2004б: 129].

У **гагаузов** тоже встречается обычай вывешивать в первый день марта красную ткань или предметы одежды красного цвета. Так, в с. Конгаз (Республика Молдова) хозяйки рано утром вывешивали над дверью или на колоннах дома красный мужской пояс, «чтобы заморозки не побили плодов», а в селах Томай (Республика Молдова) и Котловина (Ренийский р-н Одесской обл. Украины) на крыльце вывешивали красное полотно, «чтобы уберечь пшеницу от порчи». Эти предметы украшали дома с 1 марта до дня Сорока мучеников (*Kirk meçik, Kirk kaşık*) [Сорочану 2006: 162].

* * *

У **румын** в Запрутской Молдове первый день марта праздновался ради того, чтобы облегчить людям начало полевых работ в наступающем году [Speranția 1907, vol. VII, f. 235. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. На севере румынской Молдовы в этот день принято было освящать земледельческие орудия и семена [Speranția 1907: vol. VIII, f. 294. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. В некоторых населенных пунктах Олтении считается, что Докия оберегает поля от града [Speranția 1907, vol. II, f. 227v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Встречается и представление, что 1 марта (Баба Докия) празднуется ради защиты от гроз [Candrea 1928: 125. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

Во многих местностях Румынии в этот день старались воздерживаться от работы, чтобы смягчить ярость бабы Докии и чтобы весенний холод не повредил посевы [Marian 1994: 83; Candrea 1928: 125. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. В некоторых районах юго-восточной Румынии считалось недопустимым 1 марта ставить на огонь посуду черного цвета (закопченную), так как это якобы способствовало поражению колосьев пшеницы головней (“*Nu se pun vase negre la foc, să nu facă grâul tăciune*”) [Speranția 1907, vol. VI, f. 181v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Также на юго-востоке Румынии зафиксирован запрет готовить (варить) что-либо 1 марта, так как это может привести к тому, что на нивах завянут посевы (“*Nu se fierbe mâncare în ziua a ceea, pentru ca să nu se ofilească holdele*”) [Speranția 1907, vol. VI, f. 193v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

У **болгар** 1 марта соблюдались сходные запреты. Так, в южной (север области Пловдив), центральной (область Старой Загоры) и северо-

восточной Болгарии (Южная Добруджа и окрестности Разграда) встречается запрет ставить на огонь посуду черного цвета: «*да не стане житото (царевичата) главняво*» («чтобы не было жито (кукуруза) поражено головней») (Южная Добруджа), «*да не пуцат главня храните*» («чтобы не пустили головню хлеба»), «*да няма житото чернилка*» («чтобы в жите не было головни»), «*да не става къкляво*» («чтобы не рос в посевах куколь») (окрестности Разграда, *капанци*) [Узенева 2004а; Василева 1974; 1985]. Распространенным является и запрет варить что-либо в этот день (север Пловдивского края, Софийский край, окрестности Разграда — районы проживания *капанцев*, Южная Добруджа) [Стаменова 1986; Василева 1974; 1985].

У болгар Южной Добруджи запрет варить что-либо 1 марта мотивировался стремлением уберечься от гроз: «*да не ври облак*» («чтобы не кипела туча») (с. Зафирово) [Василева 1974]. Встречается запрет печь в этот день хлеб (север области Пловдив, некоторые села *капанцев* в окрестностях Разграда) [Стаменова 1986; Василева 1985]. В с. Топчи (область и община Разград) у *капанцев* запрет печь 1 марта хлеб и готовить соблюдался, «*за да не опеche храната*» («чтобы не запеклись хлеба») [Василева 1985]. В области София зафиксирован запрет месить в этот день хлеб и вообще прикасаться к квашне, вызванный стремлением уберечь колосья от головни (*за бял клас*), в общине Петрич области Благоевград тот же запрет мотивирован желанием уберечь их от червей [Василева 1993; Дражева 1980]. В то же время в некоторых селах общины Петрич хозяйки, вынимая из печи горячую лепешку из пресного теста, трижды поднимают ее вверх, произнося пожелание: «*Както се дига пара от таз пита, така да се дига и нашето жито!*» («Как поднимается пар от этой лепешки, так пусть поднимается и наше жито!») [Дражева 1980].

Жители некоторых сел в северных районах области Пловдив соблюдали запрет подметать в этот день, чтобы не причинить вреда посевам [Стаменова 1986]. У болгар группы *капанци* в окрестностях Разграда зафиксирован запрет шить, вышивать и вязать в этот день, «*за да не дупчат плодове през лятото*» («чтобы не червивели плоды в течение лета») (с. Осенец) [Василева 1985]. В ряде местностей Болгарии, например в Пиринском крае (юго-западная Болгария) и Южной Добрудже (северо-восточная Болгария) известен запрет 1 марта стирать и развешивать во дворе белье, выносить из дома что-либо белое. Он соблюдался для того, чтобы уберечься от града и инея (заморозков) [Дражева 1980; Василева 1974]. У болгар в некоторых селах Южной Добруджи суще-

ствует запрет ткать 1 марта, чтобы не было гроз, так как стук кросна напоминает гром [Василева 1974].

В ряде местностей Болгарии аналогичными запретами были отмечены все субботы марта. Так, в области Ловеч (северная Болгария) на *мартените съботи* соблюдался запрет ставить на огонь черные котлы и вообще варить что-либо, ради того чтобы жито не почернело, запрещалось стирать и развешивать вне дома белое белье, ради того, чтобы не было заморозков. Также в области Ловеч встречается запрет выполнять любую работу на *мартените съботи*, соблюдавшийся во избежание града (с. Голяма Желязна) [Попов 1999]. В области София (западная Болгария) женщины воздерживаются на *мартини съботи* месить хлеб и варить что-либо, чтобы уберечь колосья от головни [Василева 1993]. В ряде сел северной части области Пловдив (к северу от р. Марица) запреты, соблюдаемые на *мартини съботи*, аналогичны запретам 1 марта — здесь в эти дни не подметают, не пекут хлеб, не готовят, не ставят черную посуду на огонь. В с. Триводици (община Стамболийски, область Пловдив), впрочем, женщины в эти дни делают закваску, чтобы во все субботы в течение года у них хорошо поднималось тесто [Стаменова 1986].

У гагаузов во многих селах в этот день запрещались все виды мужских и женских работ, «чтобы богатая уродилась пшеница» (села Конгаз, Томай, Бешгиоз, г. Чадыр-Лунга). В с. Чешмикой ничего не выносили из дома, чтобы скот и домашняя птица не утратили плодovitость. По народным поверьям, в период с 1 по 9 марта нельзя было стирать, белить, мазать, «чтобы пшеница не почернела» (Чадыр-Лунга, Чешмикой). В этот период нельзя было вывешивать на просушку белое и черное белье, чтобы не было заморозков (с. Конгаз) [Сорочяну 2006: 161].

* * *

У румын в Запрутской Молдове встречается обычай сажать 1 марта бобы [Speranția 1907, vol. VII, f. 44. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

У болгар в некоторых областях, например в окрестностях Трына, было принято сажать в этот день лук. Первый день марта вообще считался удачным днем для посадок, у болгар даже существует поговорка: «*Сухо дърво да боднеш на първи март, клони ще пусне, плод ще роди*» («Сухое полено воткнешь на первое марта — оно пустит ветки, принесет плод») [Йорданова 1988: 46].

Среди «земледельческих» обычаев, приуроченных к 1 марта, у болгар есть обычай «пугать» плодовые деревья, которые плохо плодоносят. У болгар Южной Добруджи (в с. Соколово) это происходило так:

к дереву подходили мальчик и девочка, девочка дотрагивалась до ствола ситом, а мальчик замахивался на дерево топором, после чего девочка говорила: «*Не го сечи, то ще роди*» («Не руби его, оно принесет плоды») [Василева 1974]. В селах капанцев в окрестностях Разграда (северо-восточная Болгария) фруктовые деревья, которые не приносили плодов, могли «пугать» в любой день марта. Кто-то из домашних замахивался топором на дерево и трижды говорил: «*Или раждай, или ша та отсека*» («Или приноси плоды, или я тебя срублю») (с. Осенец). Считалось, что после этого дерево должно начать плодоносить [Василева 1985]. В области Ловеч (с. Къкрина) хозяин дома трижды замахивался топором на неплодоносящее дерево, а кто-то из членов семьи останавливал его со словами: «*Не го сечи, тая година ще роди!*» («Не руби его, в этом году оно принесет плоды!») [Попов 1999]. Сито здесь также использовалось для магических действий: в селах Къкрина и Българене сито, завернутое в красный мужской пояс, подвешивали на плодовое дерево. Вечером сито забирали в дом, и молодница просеивала через него муку и замешивала лепешку [Там же]. Нужно отметить, что у балканских народов обычай «пугать» неплодоносящие деревья мог исполняться и в дни других праздников начала весны. Кроме того, для многих славянских народов характерно приурочение этого обряда к Рождеству и Новому году [Агапкина 2002: 161].

Полевые работы у болгар в этот день во многих местностях находились под запретом. Так, в ряде населенных пунктов области Пловдив (к северу от р. Марица) 1 марта (а также на *мартини съботи*) не разрешалось пахать. Считалось, что несоблюдение этого запрета в будущем повредит посевам. В с. Триводици области Пловдив соблюдение этого запрета объясняли стремлением уберечь поля от града [Стаменова 1986].

У **македонцев** единственной допустимой 1 марта для женщин считалась работа в саду, в этот день сажали различные растения [Шапкарев 1968: 562–565].

У **кабилов** в Алжире в течение первой недели марта — период «старух» или «ссуды» — встречается запрет обрабатывать землю (*Айн Ахбэль*) или даже вообще выходить в поле или на виноградники [Бурдьё 2001: 169–171].

2.3.2.2. Скотоводческая магия

Согласно представлениям, существовавшим у **румын** в Мунтении, Докия оберегала скот от болезней [Speranția 1907, vol. IV, f. 292v. Цит. по:

Olteanu 2001: 128–133]. Женщины в румынской Молдове отмечали этот праздник, чтобы овцы были живы и здоровы [Speranția 1907, vol. VII, f. 58v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Согласно сведениям из той же Молдовы, этот праздник отмечался ради защиты людей и домашних животных от волков (“*Se ține pentru lupi*”) [Speranția 1907, vol. VIII, f. 342v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Там же встречался обычай в этот день угощать коров тыквой, чтобы они были толстыми, как Баба Докия (очевидно, имеется в виду то, как должна была выглядеть Докия в своих многочисленных кожухах) (“*Oameni dau bostan la vaci, ca să se îngrășe ca baba Dochia*”) [Speranția 1907, vol. VII, f. 125v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

В степных районах юго-восточной Румынии, где скот и в зимнее время находился на подножном корму, 1 марта его не выпускали пастись (“*Se opresc vitele de a merge la pășunat în această zi*”) [Speranția 1907, vol. VI, f. 153v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. В жудеце Мехединць (юго-западная Румыния) существовало представление, согласно которому если женщина утром 1 марта выходила из дома не умывшись и видела жеребенка, то ему грозила опасность быть съеденным волками. В знак искупления виновница этого должна была развязать пояс так, чтобы он волочился по земле [Chicet 1998: 28. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

У болгар в северной и центральной Болгарии с целью обеспечить приплод скота принято было повязывать 1 марта до восхода солнца пучки красной пряжи или красные нитки на рога домашних животных (окрестности Бяла Слатины, Плевена, Трояна, Русе, Ямбола; Южная Добруджа) [Йорданова 1972: 217]. Также у болгар встречается обычай украшать красной шерстью сосуды для хранения молочных продуктов [Йорданова 1988: 44].

У румын существует обычай повязывать мартовские нити не только людям, но и домашним животным и птице (в первую очередь молодняку скота — ягнятам, телятам, козлятам, жеребятам) [Nicolau 1998: 40–41; Плотникова 2009; Голант, Плотникова 2012; Миков 1985: 40–41; Попов 1999; Дражева 1980]¹. Так, по словам информантов из округа Бузэу (Мунтения), еще в середине — второй половине XX в. мартовские нити вешали на шею телятам и ягнятам (в первую очередь недавно родившимся) [Голант, Плотникова 2012: 361–423]. В некоторых селах

¹ У болгар, в первую очередь в городской среде, в настоящее время существует традиция украшать мартовскими нитями кошек и собак.

Мунтении было принято по окончании ношения мартовских нитей повязывать их насадкам, чтобы вывелось много цыплят (с. Борча, Улму, жудец Кэлэрашь, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. У румын вне зависимости от сезона встречается и обычай повязывать домашним животным (коровам, лошадям) красные нитки или ленты на шею или хвосты в качестве оберегов от сглаза [Голант, Плотнокова 2012].

Обычай повязывать мартовские нити домашним животным зафиксирован и у **румын (влахов)**, проживающих в придунайских районах области Враца (сведения из с. Остров) [Atlasul... 2011, 2: 102–103]. У **арумын** отмечен обычай повязывать мартовские нити на шею молодняку скота — ягнятам, козлятам и жеребяткам, а также вешать их на двери помещений для скота, двери домов, ворота [Țîrcomnicu 2004: 141–142; 2009: 60–61].

Жители различных областей Болгарии, а также **болгары-переселенцы в Бессарабии** повязывали мартовские нити ягнятам, телятам и жеребяткам на уши, рожки, шею, ноги или хвосты [Миков 1985: 53, 56; Дражева 1980; Стаменова 1986; ПМА 1999]. В отдельных местностях, например в некоторых селах области Пловдив, мартовские нити повязывали не всему молодняку скота, а только тем животным, которые являются первенцами [Стаменова 1986]. Позже появилась традиция повязывать мартовские нити котяткам и щенкам [ПМА 1999 (информант Мария Н. Кирмикчи, с. Чийшия); Седакова 2009].

Похожая традиция существует и у **греков**: 1 марта они тоже украшают домашних животных мартовскими нитями, а кроме того, цветами (Крит) или зеленью (о-в Кос) [Иванова 1977б; Зайковская, Зайковский 2001]. У **албанцев** загоны для скота и головы домашних животных принято украшать в этот день цветами и зелеными побегими кизила, так как считается, что кизил защищает скот от болезней [Юллы, Соболев 2003: 420–421]. Обычай повязывать мартовские нити молодым животным — ягнятам и телятам — известен и у **гагаузов** (с. Конгаз в Республике Молдова и др.) [Сорочяну 2006: 162–163].

В северной Албании встречается обычай обрызгивать скот и двери загон «новой водой» (*uj i ri*), которую дети набирали затемно в реке (Дрине) или в источнике [Там же: 420–421].

У кабилов в Алжире к периоду «старух» (первой неделе марта) приурочены следующие обычаи и запреты, связанные с домашними животными: в течение этого периода нельзя покупать скот (Айн Ахбэль), в конце мартовской недели поросят отнимают от матки. Когда эти дни проходят, считается, что «стадо спасено» — наступает *el fwatah'*, время

всходов и рождений как на возделанной земле, так и в стаде, поскольку молодым животным и растениям не надо больше бояться зимних холодов [Бурдые 2001: 169–171].

С животноводческой магией связаны и некоторые обычаи гадания, которые вообще характерны для начала весны (как и для начала года). Так, болгары с помощью мартовских нитей гадали о приплоде скота. Жители южной и юго-западной Болгарии, а также Южной Добруджи и болгары-переселенцы на территории современной Украины снимали мартовскую нить, впервые увидев аиста, и помещали ее под камень. Считалось, что по тому, какие насекомые будут обнаружены позже под этим камнем, можно узнать о том, от какого скота ожидать приплода в текущем году [Миков 1985: 56–60; Василева 1974; Дражева 1980; Державин 1914: 161–162]. Похожий обычай, однако без связи с мартовскими нитями, зафиксирован у румын. В некоторых местностях Румынии считалось, что, впервые весной увидев ласточку, человек должен осмотреть то место, на котором он стоял правой ногой. Если в этом месте он находил овечью шерсть, следовало ожидать приплода у овец, если козью, то соответственно у коз и т.д. [Credințe... 2000: 233–234].

Среди «скотоводческих» практик этого дня можно упомянуть и обычай македонцев Струги 1 марта стрелять в воздух над стадом [Шапкарев 1968: 562–565]. В некоторых районах Болгарии (например, в окрестностях Трына), считалось, что дети, обходя 1 марта разведенный в саду костер или перепрыгивая через него, способствуют, в частности, тому, чтобы в текущем году квочки вывели много цыплят [Йорданова 1988: 46]. С животноводством связан и встречавшийся у македонцев приуроченный к 1 марта приход полазника и его действия, направленные на то, чтобы в хозяйстве «велись» цыплята, о чем говорилось выше (см. 2.3.) [Шапкарев 1968: 562–565; Китевски 19966].

2.3.2.3. Запреты, связанные с прядением

На юго-востоке Румынии отмечен обычай заниматься в этот день прядением, так как **румыны** полагают, что Докия, отправившись в этот день с козами на пастбище, прядла по дороге шерсть и от холода ее руки примерзли к прялке [Speranția 1907, vol. VI, f. 159. Цит. по: Olteanu 2001: 145]. В других районах прядение, напротив, считалось единственной работой, выполнение которой допустимо 1 марта, поскольку, согласно встречающимся у румын представлениям, Докия, когда уходила в горы со стадом, отправилась в путь с прялкой за поясом. В этот день часто происходили помочи по прядению (*clacă de tors*), когда женщины

и девушки собирались, чтобы допрясть оставшуюся с зимы коноплю [Gherman 1926: 41. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Такого рода локальный обычай, возможно, отчасти объясняется распространенным у румын правилом непременно завершать эту работу к Великому четвергу (*Joi Mare*). В отдельных районах вообще считалось недопустимым 1 марта сидеть без дела, поскольку Докия якобы была женщиной суровой и исключительно трудолюбивой, однако главным женским занятием этого дня являлось именно прядение [Там же].

У болгар в селах области София (западная Болгария) запрет на прядение соблюдался «за бял клас» — для того чтобы колосья были «белыми», без головни [Василева 1993]. У капанцев в северо-восточной Болгарии в этот день соблюдался запрет прясть коноплю, так как считалось, что смачивание волокон слюной может вызвать заморозки и иней [Василева 1985]. В то же время в некоторых районах Болгарии, например в Южной Добрудже, женщины утром 1 марта пряли шерстяную нить [Василева 1974]. Этот обычай некоторые исследователи интерпретируют как «прядение нити года» и сопоставляют с мотивом прядения нити судьбы в начале человеческой жизни [Вълчинова 1994: 58. Цит. по: Агапкина 2002: 138].

Запрет на выполнение в первый день марта женских работ, таких как шитье, прядение, ткачество, встречается и у **македонцев**, которые в ряде случаев даже прятали в этот день прялки, веретена и др. [Шапкарев 1968: 262–265].

Ткать и заниматься обработкой льна в первую неделю марта запрещено также в Алжире у **кабилов**, называющих этот период днями «старухи» («*thamghart*»), «старух» (*thimgharine*) или «суды» (*amerdil*) [Бурдые 2001: 169–171].

Обычаи первого дня марта и вообще периода ранней весны, связанные с прядением, возможно, следует рассматривать в связи с мифологической темой снования (творения) мира в период весеннего новолетия [Агапкина 2002: 137–138].

2.3.2.4. Очистительная магия

У румын в некоторых районах было принято 1 марта изгонять из дома блох. Например, в жудеце Констанца (Северная Добруджа) дети кричали со двора: “*Martie în casă*” («Март в дом»), а родители отвечали из дома: “*Puricii afară*” («Блохи вон») (с. Остров) [Sărbători... 2009. 5: 283]. В бывшем жудеце Роман (ныне — часть жудеца Нямц, Молдова) это происходило схожим образом: один из членов семьи подходил сна-

ружи к окну и говорил: “*Marta în casă!*” («Марта в дом!»), а другой отвечал ему из дома: “*Puricii afară!*” («Блохи вон!») или “*Boalele afară!*” («Болезни вон!») [Fochi 1976: 23–29]. Из этого описания можно сделать вывод, что «изгнание» блох равнозначно изгнанию болезней из дома. Обычай «изгнания» блох из дома зафиксирован и в Трансильвании (жудецы Клуж и Сибиу) [Sărbători... 2003. 3: 281; Muşlea, Birlea 1970: 353–354]. В жудеце Клуж 1 марта дети пели: “*Mărţişor cu noi în casă / Purecii a treia casă*” «Мэрцишор с нами в дом, / Блохи — (в) третий дом» (с. Бобылна); либо один из членов семьи выходил во двор и кричал: “*Mărţişor cu noi în casă*” («Мэрцишор с нами в дом»), а другой из дома отвечал: “*Purecii a treia casă*” («Блохи — (в) третий дом») (с. Дэбыка) [Sărbători... 2003. 3: 281]. На территории Буковины известна примета, согласно которой 1 марта полезно есть крапиву — в этом случае человека не будут кусать блохи (с. Роша) [Nicoluţă-Voronca 2008, 1: 218].

У румын в Олтении встречался обычай в этот день окуривать дома дымом горящих тряпок, чтобы уберечь их от змей и других «чудищ» [Speranția 1907, vol. II, f. 199. Цит. по Olteanu 2001: 128–133]. В то же время у румын зафиксировано поверье, согласно которому человек, прикоснувшийся 1 марта к змее, будет здоров в течение всего года [Mangiuca 1882: 13].

У болгар месяц март в целом и особенно первый его день были насыщены обрядами, нацеленными на избавление от змей, ящериц, блох, мышей и пр. 1 марта было посвящено в первую очередь «изгнанию» блох (аналогично обстоят дела и у румын, но у них эта практика была распространена не столь широко). Например, в селах Габрене и Гега общины Петрич области Благоевград (в прошлом — область София) 1 марта женщины вытряхивали все постельные принадлежности и половики, подметали дом и двор, в одном из уголков двора разжигали костер из мусора. У костра скакали дети, а иногда и взрослые, и выкрикивали [Дражева 1980: 422–456 — с. Габрене]:

Зміите в полето,	Змеи в поле,
Аз съм в гората,	Я в лесу,
Аз съм в полето,	Я в поле,
Зміите в гората.	Змеи в лесу.

Жители области Кюстендил утром 1 марта подметали в доме и чистили печные трубы со словами: «*Марта в къщи, а бухи низ къщи!*» («Марта в дом, а блохи из дома!») [Миков 1985: 12]. В большинстве сел

области Пловдив 1 марта мели двор и разжигали костер из мусора, соломы, щепок, коровьего навоза, и все — и дети, и взрослые — перепрыгивали через него (один раз или трижды) со словами: «*Бъхли вънка, Марта къци*» («Блохи вон, Марта в дом») (с. Белозем), «*Бягайте, бѣхли, в булкините гащи*» («Бегите, блохи, в невесткины (молодкины) штаны») (с. Новаково, Драгойново, Караджалово). В г. Съединение собранный в этот день мусор выбрасывали на дорогу вместе с головней от огня, который жгли в Сочельник, говоря при этом: «*Бъѣли вънка, Марта къци*» («Блохи вон, Марта в дом»). В с. Слатина и Васил Левски с теми же словами «изгоняли» блох, намочив метлу под первым мартовским дождем (*мартин дъжд*) и обрызгивая ею помещения дома. В с. Белозем, чтобы в доме не было блох, их «гнали» из дома мотовилкой и обрызгивали пол капустными щами (*зелева чорба*) [Стаменова 1986: 244–283].

Женщины в Южной Добрудже 1 марта вытряхивали половики и покрывала и подметали в доме, сопровождая свои действия словами: «*Вън бѣхли — вътре Марта!*» или «*Марта в къци — бѣхли вън!*» В этом «изгнании» насекомых-паразитов участвовали и дети, которые стучали камнями по стенам дома, произнося те же обрядовые формулы [Василева 1974: 301–351]. Ту же формулу «изгнания» блох — «*Вън бѣхли, вътре Марта*» — произносили жительницы области Варна, ударяя камнем по стене дома или по воротам (с. Равна общины Провадия) [Седакова 2004: 237–267].

У болгар группы *капанци* в северо-восточной Болгарии утром 1 марта каждая хозяйка выносила во двор одеяла, покрывала, половики и выбивала их, чтобы вытрясти блох. Пол в доме обрызгивали капустными щами и подметали (обрызгивание щами для изгнания блох, как мы убедились, практиковалось и в других районах Болгарии). Иногда на порог клали тряпочку и стучали по ней со словами: «*Марта у къци, бѣйлите навън!*» («Марта в дом, блохи вон!») [Василева 1985: 200–235].

«Изгонять» блох в первый день марта принято было и у болгар-переселенцев на территории Украины и Молдовы. Например, в с. Криничне (Чушмелия, Чишмяуа-Вэруитэ) Болградского р-на Одесской обл. Украины накануне 1 марта выносили все вещи из дома во двор и говорили: «*Вын бѣхли, ф къшти Марта!*» («Вон блохи, в дом Марта!»), а после проветривания снова вносили их в комнаты [Державин 1914: 161–162]. В с. Преслав Запорожской обл. Украины 1 марта рано утром, до восхода солнца, хозяйка выметала из дома весь сор, приговаривая: «*На вѣн байли да флези Марта!*» («Вон, блохи, чтобы вошла Марта!») — и выбрасывала сор во двор к соседям [Там же]. В некоторых районах севера и юго-

востока Болгарии зафиксирован обычай ловить 1 марта блох и ящериц и бросать их на улицу или во двор к соседям [Миков 1985: 26].

Известен у болгар и обычай «выгонять» 1 марта из дома и со двора змей и ящериц. С этой целью разжигали костры, окуривали дымом дома и хозяйственные постройки [Там же: 13]. В некоторых районах юго-запада Болгарии день 1 марта был посвящен исключительно обрядам, связанным с защитой людей и домашних животных от змей. Здесь считалось, что, как только наступает весна, змеи выползают на белый свет из своих зимних жилищ, и если обычаи этого дня не соблюдались, то в течение всего теплого времени года будут постоянно кусать людей и скот [Там же: 19–22]. В общине Девин области Смолян (южная Болгария) 1 марта дети группами ходили по селу с колокольцами в руках. В каждом дворе хозяева разжигали для них костер, дети перепрыгивали через огонь и обходили дом, звеня колокольцами, чтобы выгнать змей и блох [Там же: 22].

В некоторых местностях Болгарии считалось, что женщина, которая разжигает огонь утром 1 марта, не должна перед этим справлять естественные нужды (области Силистра, Благоевград, Пловдив). Существовало представление, что в этом случае змеи также будут «терпеть» и не будут проникать в дом [Там же: 13]. В отдельных селах области Пловдив на рассвете дети звенели жестянками, сковородками и колокольцами, обходя двор и сад со словами: *«Бягайте, змии и гуцери, че Баба Марта иде с калъчка да ва сече»* («Убегайте, змеи и ящерицы, потому что Баба Марта идет с сабелькой, чтобы зарубить вас») (с. Дълбок Извор, Караджалово). В с. Добростан «заклинали» змей следующим образом: старуха завязывала узлы на красной нитке, при этом кто-то трижды спрашивал, что она завязывает, а она отвечала: *«Завързвам на змиите и смоците устите, завързвам на змиите и смоците очите»* («Завязываю змеям и узам рты, завязываю змеям и узам глаза»). Затем нитку бросали в огонь со словами: *«Когато излезе конец на мегдан, тогава и те да излезат»* («Когда обнаружится нитка, тогда и они появятся»). 1 марта здесь не шили и не ткали, чтобы не встречаться со змеями [Стаменова 1986].

У болгар Южной Добруджи существовало поверье, что ношение мартовской нити в положенный период должно защитить человека от укусов змей или блох в течение целого года [Василева 1974; Миков 1985: 19].

Некоторые болгарские обычаи 1 марта были направлены на избавление от мышей. Так, в некоторых селах бессарабских болгар женщины

утром 1 марта шили что-либо, чтобы «защитить глаза мышам» (с. Криничное (Чушмелия, Чишмяуа-Вэруитэ) Болградского р-на Одесской обл. Украины) [Державин 1914: 161–162].

Македонцы в Струге вечером накануне 1 марта с целью «изгнать» блох, змей и ящериц били горшки и другие глиняные сосуды, в первую очередь те, в которых держали угли — *мангали*, и стреляли из ружей над стадами. В Охриде в этот день также стреляли из ружей, чтобы в течение лета к людям не приближались блохи [Шапкарев 1968: 562–565; Китевски 1996б]. У македонцев встречался и обычай брать 1 марта бузину трубку, в которой проделывали отверстия, как в ружейном стволе, наполнять ее порохом, помещать в нее вместо дробы трех блох и крошки хлеба, съеденного в этот день, и «стрелять» из этой трубки, запалив порох с помощью уголька — с целью «изгнать» из дома блох [Шапкарев 1968: 562–565; см. также: Китевски 1996б]. В Порече (Западная Македония) было принято 1 марта — в *Летник* — бросать в дом снег, чтобы людей не кусали блохи [Обрембски 2001: 131]¹. Кроме того, у македонцев зафиксирован обычай вечером накануне 1 марта менять место ночного сна, чтобы избежать укусов блох в будущем (записано в окрестностях г. Кукуш (Килкис) в греческой Македонии) [Миладинови 1981: 522]. В некоторых местностях Македонии в первые дни марта, когда люди впервые слышали кваканье жаб (лягушек), чтобы блохи ушли из дома, они трижды произносили: «*Бела става во куки, църна става по поле*» («Белое в доме, черное в поле») [Шапкарев 1968: 562–565]. Жители Дебарца, чтобы избавиться от блох, в ночь на 1 марта клали в свою постель дубовую ветку, а утром бросали ее в воду колодца или источника со словами: «*Шумка, шумна, гад побегна*» («Ветка зашелестела, гад бежал») [Китевски 1996б].

В г. Крушево в юго-западной Македонии 1 марта изгоняли из дома мышей («изгнание» могло сопровождаться следующей формулой: «*Бегайте, глумци, еве ви је Марта, ке ви сече, ке ви печи, ке ви фрли на буните*» («Убегайте, мыши, вот вам Марта, она вас будет резать, она вас будет жечь, она вас бросит на помойку»)) [Сикимић 2001: 44. Цит. по: Плотникова 2006б].

У македонцев же зафиксирован обычай, согласно которому 1 марта каждый человек должен был подшить подол своей одежды черной

¹ Сходный обычай — «изгонять» блох, бросая в дом мартовский снег, — встречается у турок-бекташей в местности Лудогорие в Северо-Восточной Болгарии [Българските алиани 1991: 171].

ниткой, чтобы «защитить рты» змеям [Шапкарев 1968: 562–565; Китевски 19966].

Запреты, которые соблюдались у македонцев в первый день марта — шить (в этот день даже прятали иглы), подметать, мыться — имели целью уберечь людей и скот от змей и других гадов¹, а также от волков (Порече, западная Македония) [Обрембски 2001: 131].

У гагаузов Южной Бессарабии в первый день марта делали уборку, вытряхивали все домашние вещи, мусор собирали во дворе или на улице и сжигали; также осуществлялся обряд «изгнания блох». Например, в селах Котловина и Томай перед восходом солнца тот, кто первым выходил во двор, стучал в окно и говорил: “*Mart, içeri!*” «Март, в комнату!», а из комнаты отвечали: “*Pirälär, dışarı!*” «Блохи, на улицу!». В г. Чадыр-Лунга аналогичные действия совершали муж и жена, и диалог их был таким: “*Babu Marta, içeri!*” («Баба Марта, в комнату!») — “*Pirälär, dışarı!*” («Блохи, на улицу!»). В с. Конгаз диалог произносился в тот момент, когда из комнат выносили вещи. В с. Бешгьоз во время диалога трижды проводили метлой по полу. В диалоге отражена очистительная функция данного обряда — после уборки в доме мусор выносили во двор и кричали: “*Mart, içeri!*” («Март, в комнату!»), а из комнаты отвечали: “*Bokluklar, kirlär, dışarı!*” («Мусор, грязь, во двор!») [Сорочяну 2006: 161].

Начало марта было насыщено обрядами, связанными с очищением, и у других балканских народов. Например, жители района Мат краины Дибра (северо-восточная Албания) жгли в первый день марта венки из хвороста и дикого вьюнка [Иванова 1977а]. В Греции хозяйки в этот день убирались в домах и выбрасывали мусор со словами: «Плохой год — вон, хороший год — сюда!» [Иванова 1977б]. Мусульмане Подгорицы (Черногория) окуривали комнаты и пороги дома дымом горящего навоза, чтобы в течение всего года в доме не было насекомых [Кашуба 1977].

У албанцев-мусульман в северной части Албании 1 марта — в День весны — был распространен запрет на женские работы: шитье, вязание и т.д. Накануне этого дня прятали иглы и спицы. Считалось, что в случае нарушения этого запрета «змея укусит детей или скот» (информация из с. Мухурр, краина Дибра) [Юллы, Соболев 2003: 421].

Очистительные обряды, исполнявшиеся 1 марта, могли быть направлены на изгнание не конкретных живых существ, но некоего

¹ По представлениям жителей данной местности, гады вылезают на поверхность именно в этот день.

абстрактного «зла» (впрочем, нередко эти живые существа воспринимались именно как воплощение зла, как мы видели на примере из румынской Молдовы, где изгнание блох из дома было равнозначно изгнанию болезней). В некоторых районах Румынии, если 1 марта случался сильный снегопад, было принято вытряхивать во дворе кусок полотна со словами: «Я не вытряхиваю полотно, но вытряхиваю зло из моего дома, чтобы ушло оно вместе с зимой и плохой погодой, а в моем доме остались покой и добро» (“*Eu nu scutur pânza, dar scutur răul din casa mea, să se ducă cu iarna și cu vremea asta rea, iar în casa mea să rămâie liniște și bine*”) [Bot 1971: 290. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

Здесь мы сталкиваемся с представлением о том, что мартовский снег способствует очищению. Оно встречается, как уже упоминалось, также у македонцев и турок, у которых бытовал обычай «изгонять» из дома блох бросанием в комнаты мартовского снега [Обрембски 2001: 131; Българските алиани 1991: 171]. У болгар в области Пловдив, как говорилось выше, подобные свойства приписывались первому мартовскому дождю [Стаменова 1986].

Нужно отметить, что обычаи, связанные с «изгнанием» змей, ящериц и др., у жителей Карпато-Балканского региона чаще (чем к 1 марта) были приурочены ко дню Сорока мучеников. Представления о том, что именно в этот день просыпаются змеи, встречаются у румын, сербов, болгар, турок [Hedeșan 2005: 160–165; Неготинска крајина 1970: 21; Костић 1978; Василева 1974; Българските алиани 1991: 145]. Согласно выводу А.А. Плотниковой, сделанному на основе изучения южнославянских календарных обычаев (в значительной мере он подтверждается, на наш взгляд, и восточнороманскими материалами), изгнание насекомых-паразитов связано в первую очередь с приходом мартовской старухи (Марты), тогда как изгнание змей и пресмыкающихся чаще бывает приурочено к другим весенним праздникам — дню Сорока Мучеников, Благовещению, дню св. Иеремии [Плотникова 2006б].

* * *

Рассмотренные выше магические практики вызывают двойную ассоциацию, уводящую нас к мифу. Они заставляют вспомнить, с одной стороны, мифологему об обращении громовержцем своих детей в хтонических животных (мышей, кротов, червей, змей и т.д.), известную ряду народов Европы и Передней Азии, а с другой стороны — этрусского *Maris Isminthians* (“*Mars Sminthianus*”), изображение которого можно увидеть на этруском зеркале из Больсены, мышиноного Марса, то есть,

вероятно, Марса, уничтожающего мышей с целью охраны урожая [Топоров 1976]. Здесь нужно отметить, что этрусские изображения Марса и его атрибутов (например, копья) делают правдоподобным предположение о совмещении в этом образе двух прежних ипостасей одновременно — громовержца и его противника [Там же].

2.3.2.5. Встреча птиц

Первый день марта связан не только с пробуждением (и изгнанием) различных «хтонических» животных, но и с прилетом птиц, обрядами их встречи и практиками, направленными на защиту от связанной с ними опасности.

У румын, в частности у жителей пограничья Олтении и Баната (жудец Мехединць), зафиксировано представление, что 1 марта ни в коем случае нельзя выходить из дома, ничего не съев, так как в этом случае можно быть «испорченным» кукушкой (*spurcat de cuc*) [Chicet 1998. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. По представлениям румын, услышать кукушку на голодный желудок означает, что человек, с которым это произошло, проведет все лето в одиночестве («как кукушка»), у него будет дурно пахнуть изо рта и т.д. Однако в большинстве районов Румынии «днем кукушки», первым днем, когда можно услышать голос этой птицы, считается не 1, а 25 марта — Благовещение [Pamfile 2005: 75].

Представление о том, что в первый день марта опасно услышать кукушку на голодный желудок, есть и у **македонцев**, которые считают, что в этом случае человек заболит или у него будет дурно пахнуть изо рта. Аналогичные представления связаны с удодом [Китевски 19966]. Днями, когда человека может «разбить» птица, у македонцев считаются также день Сорока мучеников и Благовещение [Там же].

Представление о том, что опасно впервые услышать кукушку натошак, встречается также у болгар, сербов, хорватов, поляков, закавказских украинцев и русских [Гура 2004а: 36–40].

У гагаузов существовала примета, согласно которой если 1 марта человек, стоя на ногах, увидит летящих журавлей, то весь год он будет трудолюбивым (с. Конгаз, Республика Молдова) [Сорочяну 2006: 161].

Среди жителей ряда местностей Греции, Македонии и юго-западных районов Болгарии (окрестности Благоевграда, Асеновграда и Пештеры) днем встречи ласточек считалось 1 марта — день, когда надевают мартовскую нить [Анфертьев 1979в: 133–139; Иванова 1977б; Миков 1985: 66–72, 78–84; Попов 1993: 28–30; Миладинови 1981: 522]. В Болгарии, в окрестностях Асеновграда и Пештеры, этот обычай известен

как *лястовици*, *лястовички* — «ласточки» или *пиленца* — «птенцы». Накануне праздника мальчики изготавливали из дерева специальную игрушку: к шесту, на верхнем конце которого находилась фигурка птички, привязывали веревочку. Когда за веревочку дергали, фигурка вращалась. С такой «ласточкой», украшенной, как правило, мартовскими нитями, дети обходили дома односельчан и желали им здоровья, долголетия и изобилия в хозяйстве. Во время обхода исполнялись песни, посвященные приходу весны и началу весенних работ [Попов 1993: 28–30; Миладинови 1981: 522; Миков 1985: 66–72, 78–84].

Сходный обычай отмечен у **македонцев** — жителей окрестностей г. Кукуш, или Килкис, в центральной части греческой Македонии. Здесь 1 марта маленькие дети изготавливали из дерева фигурку ласточки и ходили с нею по домам, исполняя песню: «*Ластовица идеше, црно море пливаше*» («Ласточка возвращалась, черное море переплывала») [Миладинови 1981: 522].

Мартовский обход дворов с ласточкой был широко распространен у **греков**. Так, еще в 70-е годы XX в. он практиковался в разных частях Греции: в Фессалии и Ахее, в Македонии и на Керкире, на Кикладах и в Додеканесе. Мальчики изготавливали деревянную фигурку ласточки и укрепляли ее на шесте так, чтобы ласточку можно было поворачивать при помощи нитки. Шест с ласточкой часто помещали в клетку, украшенную зеленью и красно-белыми шнурами — мартовскими нитями. С изображением ласточки дети ходили от дома к дому и пели *хелидонисмы*¹ — песни, посвященные прилету ласточек, получая от хозяев домов маленькие подарки, главным образом яйца. Из древнегреческого фольклора до нас дошел образец народной песни, посвященной прилету ласточки, поэтому *хелидонисмы* принято считать примером многовековой преемственности греческих народных обычаев. В этих песнях дети общались о прилете ласточки из-за моря, рассказывали от ее имени о пробуждении природы и напоминали о возобновлении хозяйственной деятельности.

Упоминание о весеннем обходе домов в связи с прилетом ласточек встречается у Афиней — писателя, жившего на рубеже III–II вв. до н.э. Он цитирует сочинение Феогида «О родосских праздниках», где сообщается, что на Родосе есть обычай весной собирать дары. Участники этого действия поют песню, содержание которой таково: «Прилетела лас-

¹ Этот термин произошел от греческого названия ласточки [Анфертьев 1979в: 133–139].

точка, неся прекрасное время года. У нее белое брюшко и черная спинка. Выноси палафу¹ из богатого дома, и кружку вина, и корзину сыра. Ласточка не откажется ни от пшеничного хлеба, ни от лекифиты²). Затем исполнители обряда переходили к угрозам: обещали унести дверь, притолоку или находящуюся в доме женщину, если им не вынесут подарки. Заканчивается песня словами: «Открой, открой дверь ласточке. Мы ведь не старики, а дети» [Анфертьев 1979в: 133–139].

Песни, посвященные прилету ласточек, которые «приносят из-за моря красное лето», исполнялись 1 марта у **албанцев** (в южных областях Албании) [Иванова 1977а]. Там же молодежь в этот день ходила по дворам односельчан с песнями-поздравлениями, получая за это яйца, орехи, фрукты и сладости [Там же]. Обычай ритуальных обходов дворов детьми или молодежью в начале марта зафиксирован и у турок (возможно, впрочем, что он был заимствован турками у греков) [Гордлевский 1968а: 89–93].

На юго-западе Болгарии дети, которые 1 марта ходили по селу с «ласточкой», носили с собой также деревянные молотки, длинные ручки которых были украшены изображением змеи. Этими молотками мальчики ударяли в ворота, били по камням, которыми был вымощен двор, и имитировали движения человека, который копает землю [Миков 1985: 68–69]. Удары молотком по воротам и камням, вероятно, были направлены на изгнание злых сил. Интересно, что дети приходили к соседям с «ласточкой» (символом весны) и «змеями», изображенными на ручках молотков (это изображение в данном контексте может быть прочитано как символ зимы и старого года, которые они собирались изгнать)³.

¹ Хлеб из высушенных и растертых смокв [Анфертьев 1979в: 133–139].

² Пирог, замешанный на яичном желтке [Анфертьев 1979в: 133–139].

³ Во многих мартовских обрядах, в частности в обрядах празднования дня Сорока мучеников, можно увидеть ту же оппозицию «змея–птица», что и в праздновании первого дня весны (подробнее см.: [Цивьян 1984: 47–57]). И пробуждение змей, и возвращение и начало гнездования птиц возвещают приход весны.

Соблазнительно допустить, что перелетные птицы считались воплощением весны и добра, тогда как «хтонические» животные (змеи, ящерицы, лягушки, жабы) в рассматриваемом контексте воспринимались не только как источник возможных неприятностей (укусы змей), но и как воплощение злых сил, которые должны были быть изгнаны с приходом весны. Это подтверждают легенды о ласточке и змее, аисте и «гадах».

С мифологическими представлениями балканских народов о весенних (перелетных) птицах связаны различные варианты обычая «ритуального расставания» с мартовской нитью, которые подробно рассмотрены в следующей главе.

2.3.2.6. Магические практики, направленные на сохранение или приобретение здоровья и красоты

У румын в Молдове существовало представление о том, что солнце в этот период является опасным: “*Se pune salbă fetelor; ca să nu fie pârlite de soare, să nu dea vreun trimis peste ele sau să se prindă farmecele*” («Надевают ожерелье на девушек, чтобы их не обожгло солнце, чтобы на них не навели порчу и не околдовали») [Speranția 1907, vol. VII, f. 20. Цит. по: Olteanu 2001: 128–131].

У румын встречался обычай, согласно которому девушки умывались талой водой, собранной 1 марта, в течение целого года, чтобы стать красивыми и привлекательными. [Mangiuca 1882: Martisoru (Martiu)].

Обычай умываться 1 марта талой водой с целью сохранения/приобретения красоты известен и у украинцев. Увидев ласточку в день

Согласно южнославянским этиологическим легендам, ласточка после Всемирного потопа спасла человека от кровожадной змеи (Босния, болгарские Родопы), а змея откусила ей часть хвоста, отчего хвост ласточки стал раздвоенным (Сербия). Согласно другой легенде, ласточка спасла солнце от пожирающей его змеи, спрятав его под своим крылом (Далмация, Босния и Герцеговина) или унеся его высоко в небеса (Хорватия, Босния).

Сходная легенда о змее и ласточке имеется у турок. У румын существует предание о св. Алексии, превращенном богом в аиста, для того чтобы он лучше собирал змей и гадов, которых случайно выпустил из сундука. Аналогичная легенда бытует у жителей северо-западной Болгарии (а также у белорусов, украинцев, поляков).

В этой легенде мы снова сталкиваемся с противопоставлением птицы (аиста) и различных «тварей», в первую очередь змей. Однако нужно помнить о том, что и птицы, и «хтонические» животные в народном сознании наделяются амбивалентными характеристиками. Так, румыны гадали о здоровье и удаче на основании того, в какой момент человек впервые в течение года увидел перелетную птицу (обычно — ласточку или аиста); таким образом, ее появление могло служить как добрым, так и злым предзнаменованием. В частности, наиболее распространенным было представление о том, что увидеть аиста в воздухе — к удаче и здоровью, а на земле — к болезни и неприятностям [Гура 2004б: 85–88; Гордлевский 1968б: 85–87; Nicolau 1998; Гура, Страхов 1995: 96–100; Creștințe... 2000: 68].

св. Явдохи (Евдокии), 1 марта, ребенок должен был крикнуть: «*Ластівко, ластівко, на тобі веснянки, дай мені білянку!*», а затем умыться талой водой [Воропай 1958: 229–235]. Ср. другой румынский обычай: в некоторых местностях при первой встрече с ласточками в начале весны люди бросали через голову горсть земли, чтобы летом на их лицах не появились пятна [Credințe... 2000: 233–234].

Встречаются сведения, согласно которым в этот день у румын было принято делать «любовную воду» (*apa de dragoste*), которую, вероятно, использовали для приворота [Там же].

На севере Албании зафиксирован обычай брызгивать на детей «новой водой», которую они сами набирали затемно в реке или источнике [Юллы, Соболев 2003: 420–421].

У румын Буковины было принято 1 марта освящать растение аконит (*aconitum napellus*, рум. *toaie*), это делал священник, который специально приходил в сад. Считалось, что, вымывшись водой, в которую положен аконит, можно избавиться от любой болезни или порчи [Niculiță-Voronca 2008: 118].

По представлениям румын Олтении, тот, кто не праздновал день Докии, мог заболеть [Speranția 1907, vol. II, f. 231v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–131]. Встречается у румын также представление о том, что Докию нужно праздновать для того, чтобы никто из домашних не заболел оспой и не утонул [Gherman 1926: 41. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

По мнению, бытовавшему в некоторых районах румынской Молдовы, тот, кто праздновал Докию, не будет мерзнуть в течение года [Speranția 1907, vol. VIII, f. 26v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–131]. Женщины праздновали Докию для того, чтобы бог не превратил их в камень, как превратил ее [Speranția 1907, vol. VII, f. 78v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–131].

2.3.2.7. Обрядовая выпечка

У **арумын** известен обычай раздавать в этот день испеченные накануне маленькие лепешки с инжиром, финиками или изюмом [Țîrșomnicu 2009: 60–61]. У **болгар** в западной Болгарии, в частности в окрестностях Трына, Врацы, встречался обычай раздавать 1 марта детям медовые хлебцы (*медени питки*). Это делалось для того, чтобы дети были здоровы в течение года [Йорданова 1988: 33]. У румын подобные действия 1 марта, по-видимому, не практиковались (хотя на следующий весенний праздник — день Сорока мучеников — у них также было принято раздавать обрядовые калачи).

Медовые калачи или хлеб с медом у жителей рассматриваемого региона принято раздавать ради того, чтобы уберечься (и в первую очередь это касается детей) от оспы [Василева 1974; Голант 2008]. Наименование мартовской старухи (Баба Марта, Баба Докия) в определенной мере переключается с эвфемистическими наименованиями болезней. Так, у болгар оспа именуется *Баба Шарка*, у румын злые духи, которые мучают маленьких детей, могут называться *băbiți* [Там же].

Что касается ритуальной выпечки, изготавливаемой 1 марта, то она встречается и у албанцев. Так, в северной Албании зафиксирован обычай печь в этот день особый пшеничный хлеб — *kul`aç Dit V`erje* ‘калач дня весны’ [Юллы, Соболев 2003: 420–421].

* * *

Как уже говорилось, основными датами, маркирующими период, посвященный мартовской старухе у балканских народов, во многих случаях являются 1 марта (день св. Евдокии) и 9 марта (день Сорока мучеников). Эти же даты наиболее насыщены обычаями. Цель магических практик — защита людей от злых сил, сохранение здоровья и красоты, обеспечение урожая и приплода скота в течение года.

Для характеристики первых дней марта у народов Карпато-Балканского региона важно то, что и восточнороманские народы, и южные славяне, и греки являются в известном смысле преемниками византийской (в более широком смысле — переднеазиатской) традиции отсчитывать новый год от начала весны или дня весеннего равноденствия [Агапкина 2002: 29]. У восточнороманских и южнославянских народов отнесенность нового года к 1 марта наиболее выразительно проявляется в приуроченности к этой дате «заемных дней», или «дней старухи», и связанного с ними комплекса обрядов [см.: Кабакова 1994; Агапкина 2002: 30]. Этот период соответствует практически всем «параметрам» календарного рубежа, циклически повторяющегося «Нового года», обозначенным Мирчей Элиаде в его теории «вечного возвращения», — периода, разделяющего старое и новое время (в классическом варианте это двенадцатидневье — таково число «дней старухи» в наиболее архаических зонах); «визиты» мертвых к живым (их ожидание характерно для дня Сорока мучеников — рум. *Moșii*, который в ряде регионов считался последним из «старухиных дней»); присутствие на земле хтонических существ (в данном случае в качестве таковых зачастую выступают определенные животные); тушение старого и зажигание нового огня, обряды очищения, изгнание демонов и т.д. [Элиаде 1987: 65–92].

Наступление сезонного перелома демонстрируется также высокой терминологической «нагруженностью» этого переходного периода, причем хронимы зачастую имеют отрицательную коннотацию, отражающую предполагаемую опасность этого времени для людей [Агапкина 2002: 32].

Возможно, в связи с легендой о мартовской старухе у румын существовало общее представление о том, что 1 марта является несчастливым. Так, румыны Южной Буковины (жудец Ботошань) считали, что 1, 11 и 21 марта — несчастливые дни, когда не следует начинать какое-либо дело [Niculiță-Voronca 2008: 118]. По представлениям жителей Олтении, в день Докии легко было подвергнуться порче или сглазу [Speranția 1907, vol. I, f. 187. Цит. по: Olteanu 2001: 128–131].

Очевидно, именно в связи с представлениями об «опасности» данный период является столь насыщенным различными запретами, предостережениями, рекомендациями выполнять или не выполнять определенные действия. С этой особенностью, очевидно, связан и обычай ношения особых оберегов — мартовских нитей, широко распространенный в Карпато-Балканском регионе, которому посвящена вся следующая глава.